

НАДЕЖДА ЧЕРПИНСКАЯ

Спящая Царевна

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Надежда Черпинская

Спящая царевна.

Совершенно секретно

<https://litres.ru/74205904>

Аннотация

Находка, обнаруженная полвека назад в глухой сибирской деревушке, обещала стать сенсацией и в корне изменить представление современных учёных о нашей истории. Но революции не случилось... Кто-то говорил, что загадочный артефакт увезли в неизвестном направлении военные, а очевидцев заставили молчать. Кто-то уверял, что всё это просто газетная утка, красивая легенда, байка. Споры идут до сих пор. А я приглашаю в мою версию этой мистической истории... Итак, куда же исчезла загадочная «Спящая царевна»?

* Роман является художественным произведением, включает элементы славянской мифологии и псевдонаучных теорий происхождения мира в довольно вольной интерпретации и не претендует на историческую, географическую и политическую достоверность. Не стоит искать научного подтверждения моим «шалостям»!

НЕ эротика! Хотя чувственные сцены присутствуют. 18+, так как герои иногда употребляют крепкие напитки и зачастую поднимают "недетские темы".

!Без насилия, принуждения и измен между главными героями!

!!! Без использования ИИ !!!

Содержание

Пролог	5
1 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	13
2 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	17
3 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	26
4 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	33
5 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	37
6 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	44
7 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	54
8 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	61
9 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»	66
1 «СЫН ТАЙГИ»	73
2 «СЫН ТАЙГИ»	78
3 «СЫН ТАЙГИ»	90
4 «СЫН ТАЙГИ»	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Пролог

Наше время

Туман наползал с горы. Плотный, густой, как стена. Сизый, в сумраке тусклого августовского вечера.

Тянул свои зыбкие щупальца, по крутым склонам подбирался к деревеньке у подножья.

Ещё немного, и горы полностью исчезнут в этом сыром белёсом сумраке, будто стеной отрежет Ржанку от большого мира.

Иван Петрович поёжился нервозно, запахнул плотнее засаленную фуфайку[1] – казалось, туман уже добрался сюда и вот-вот коснётся старика своими липкими хищными лапами.

Не любил Петрович туман – всегда ему чудилось в нём что-то жуткое, непонятное. За всю жизнь пора бы привыкнуть к этим горам, туманам, лесу... Да ко всему уже пора привыкнуть! Шутка ли, восьмой десяток лет уже небо коптит... Но сейчас его привычно передёрнуло.

В калитку снова затарабанили. Дружок взвился, прыгая на сетку вольера, заходясь в грозном лае.

Отвлекаясь от пугающей туманной картины, Петрович

вспомнил, зачем вышел во двор, и, негромко матерясь себе под нос, поковылял к воротам.

За калиткой стоял парнишка. Студент или школьник. Сразу и не разберёшь. Нынче вся молодёжь такая дохлая, что и возраст сходу не угадаешь. Вот и этот – длинный, тощий, косматый как девка, в очёчках.

Петрович молча разглядывал нежданного гостя, хмурился, решая, сразу дверь захлопнуть или спросить, что нужно.

– Здравствуйте, Иван Петрович! – пацан под его суровым взглядом сразу сник и чуть ли не поклонился. – Я... Илья...

Тишина в ответ.

Не дождавшись ни слова, гость добавил, ещё больше смутившись:

– Илья... внук Зои Михайловны...

Старик продолжал сверлить парнишку замораживающим кровью взглядом.

– Бабушка вас должна была предупредить о моём...

– А... Журналюга... – наконец небрежно кивнул Петрович, ещё немного помучив парня молчанием. – Да, Зойка говорила...

Хлопец внезапно приободрился и широко улыбнулся:

– Готовы рассказать мне всю правду?

Иван Петрович скривился, в который раз окинул гостя долгим изучающим взглядом и фыркнул:

– Может, тебе ещё сказать, где я пенсию прячу?

– Зачем? – удивлённо хлопнул глазами парнишка, потом

сообразил и отчаянно замотал головой. – Да что вы, Иван Петрович! Я же... У меня просто свой блог... И я...

– Кто у тебя? Свой бог? – ошалело переспросил Петрович.

– Блог... – вздохнул измученно гость. – Это вроде журнала. Только не на бумаге, а онлайн. Ну... в электронном виде, в интернете. Понимаете?

– Ничего я в ваших интернетах не понимаю, – проворчал старик и махнул рукой. – У нас тут, в Ржанке, даже сотики не пашут.

– Ну... Я через интернет рассказываю людям про разные интересные места России и необычные события, – продолжал торопливо объяснять парень. – Молодое поколение должно знать, в какой удивительной стране живёт. Где-то я сам бываю, о чём-то читаю, ищу архивы, фотографии, очевидцев...

– Это ты, конечно, молодец! Но что ж ты в нашем колхозе интересного нашёл? – иронично хмыкнул Петрович.

– Как это? – глаза парня за линзами очков и без того казались огромными, а сейчас распахнулись ещё шире. – Да ведь этот случай, полвека назад... Это же сенсация!

– Случай... – Петрович покачал головой. – Ты разве в газетах не читал, что всё это брехня... Не было ничего! Одни придумки и массовая галлюцинация...

– Зачем вы так? – мальчишка насупился обиженно. – Я же правду ищу. Понимаете? Мне нужна правда, из первых уст. А вы же сами всё видели... Зачем же...

– Затем! – грубо оборвал Петрович. – Правду ему надо! За эту правду брат мой жизнью заплатил, ясно тебе!

– И про брата вашего я тоже очень хочу узнать! Баба Зоя мне кое-что рассказывала. Ну, так... сплетни... А я хочу знать, что случилось на самом деле, – паренёк не отступал, глаза горели, разволновался. – Я... Я не боюсь! Люди должны знать истину!

– Ишь, смелый нашёлся, – криво усмехнулся Петрович. – Я уже тоже ничего не боюсь... Пожил... Хватит... Так те-перича и болтать можно. Помирать не страшно. Скорее бы! Болею я шибко... Ежели голову открутят, так только спасибо скажу. А ты бы башку свою, молодую да глупую, поберег!

Парнишка хотел сказать что-то, наверное, возразить, или посочувствовать, но Петрович уже развернулся, небрежно махнув рукой.

– Закрывай калитку, да пошли в дом! Хочешь правду, Илюха – будет тебе правда...

В доме было жарко. Протопил сегодня печку. Пусть ещё конец лета на дворе, но здесь, в горах, сыро и холодно, особенно в дождь.

От печки тепло не только кости греет, но и душу – отгоняет прочь стылое прикосновение тумана. И даже окунуться в омут воспоминаний под уютный треск поленьев как-то легче.

– Ну, давай к столу, Илюха! – махнул приглашающе Пет-

рович. – Брось, не разувайся, так проходи! Натоптано тут у меня. Полы мыть некому... Садись, сюда, к окну! Я тут как раз трапезничать собрался. Щас мы с тобой по сто грамм «чая» сообразим!

– Нет, нет, я не... – поспешно замотал головой парень, растрепав и без того взъерошенные волосы.

Петрович замер, не донеся пузатую бутылку до граненого стакана, вскинул бровь.

– Болееешь, что ли?

– Я за рулём... – растерянно пожал плечами гость.

– И что? – фыркнул Петрович. – У нас тут гайшников нет. Кто тебя штрафанёт? Медведь на перекрестке встретит?

– Да не в этом дело... – смутился Илья, и вдруг осознал, что сказал старик. – А медведи у вас тут есть?

– Конечно, – безжалостно продолжал Петрович. – Тайга... Как ты хотел! Бывает, и в Ржанку забредают. Да не дрейфь, таких худосочных они жрать не будут! Держи стакан! Отказ не принимается. На сухую у нас разговора не выйдет...

– Ладно, но только за компанию, чуток, – смирился со вздохом Илья.

– Вот сейчас ты прямо, как мой братец заговорил! – фыркнул Иван Петрович. – Тот тоже не от мира сего был. Все мужики как мужики, а этот вечно в отмазку... Не могу, некогда, не буду, ну, если только чуток... Может, оно и к лучшему... Если б мы его тогда не напоили, и беды бы не стряслось.

– А что тогда случилось? – невинно уточнил юный «де-

тектив».

– Так сгинул Беркут, сгинул, – вздохнул Петрович. – Так в «пропавших без вести» и числится до сих пор. Я тоже только начало истории знаю, а потом... Куда он мог деться... Как говорится: и никто не узнает, где могилка моя... Искали его тогда по всей тайге, переворостили окрест все леса...

– И?

– Не нашли. Сказали, видно, несчастный случай – в яму какую упал, в расщелину в горах, или зверь задрал, – развёл руками старик и, склонившись над столом, шепнул уже тише, – но я в эти байки не верю. На дурака спрос! Чтобы Андрюха да сгинул в лесу! Он же сам был как зверь. Ему Саян – отец, тайга – мать. Не мог он заблудиться.

– А куда же тогда он, по-вашему, делся, Иван Петрович?

– Так известно куда... – лукаво прищурился старик. – Куда все неугодные советской власти пропадали... Сгноили где-нибудь на нарах. Закрыли по-тихому, и родственникам ничего не сказали. От военных да КГБ разве убежишь? Хотя он... мог! Беркут этот лес знал, знал, как свои пять пальцев. С детства с отцом шарился везде... С родным, в смысле... Он же, на самом деле, по крови мне никто. Дядь Вася, брат отца моего, на его мамке женился, когда Андрюхе уже лет девять или десять было. Потому он и Беркутов... Мы-то Ширяевы. С отчимом у них не сложилось. Дядя Василий... он дурной был, особенно, как выпьет. А закладывать за воротник он шибко любил. Скандалил много, мамку Андрю-

хину, тётю Веру, поколачивал. Ну а мы с Андрюхой быстро сдружились, погодки были...

– Погодите, Иван Петрович, – остановил Илья, что-то быстро тыкая в телефоне, – я диктофон включу!

– Это ещё зачем? – сразу напрягся хозяин.

– Да вы не бойтесь! – успокоил парень. – Я это... чтобы ничего потом не перепутать. Мне же нужно достоверно всё рассказать. Давайте ещё раз! Значит, ваш брат, Андрей Беркутов...

– Да, Андрей Егорович Беркутов... – кивнул старик, наливая по второй.

– ... пропал без вести летом 1970 года, здесь, в Саянах, – не сбиваясь, продолжил Илья, входя в привычную роль. – А почему его искали военные и КГБ? Что им от него было нужно?

– Так... – старик опрокинул стопку и шепнул, нагибаясь через стол ещё ближе к гостю, чем прежде, – она и была нужна... Царевна! Думаешь, её, правда, увезли эти черти, военные? Нет, Илюша! Гроб, который в вертолёт грузили... был пустой. Пустой!

– Постойте? А куда же... подевалось тело? Или никакого тела не было? – изумлённо нахмурился гость.

– Как это не было! Я своими глазами видел! – приосанился Петрович. – Ты слушай, не перебивай! Я всё знаю, всё, как оно было. Вернее, как нашли её, и как она пропала... А дальше что было, только Андрюха знал... Давай, по третьей!

И всё расскажу...

[1] Стёганная ватная куртка, ватник

Мои дорогие, приветствую вас в моей самой нестандартной истории!

Здесь я собрала воедино самые интересные псевдонаучные теории и предлагаю окунуться

в необычный микс внеземных цивилизаций, славянской мифологии и природных стихий.

Прошу не забывать, что это не научный труд, а художественный вымысел!

Относитесь соответственно к моим творческим шалостям)

А ещё здесь, конечно, будет любовь – нежная, жгучая, настоящая.

Будут невероятные приключения, настоящие герои и безжалостные враги.

Лесные тропы уже ждут вас...

Готовы отправиться в путь?

1 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

*Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царица вечным сном.*

А.С. Пушкин

(Андрей)

Лето 1970 г.

– Здорово, мужики!

Запах «веселья» и дыма ударил в нос с порога – Андрей едва сдержался, но всё-таки не чихнул.

– О-о-о-о! – счастливо протянул Вован. – Сам Беркут к нам с гор спустился!

– Здорово, коль не шутишь! – Санёк, зажав в зубах «цигарку», уже тянул правую руку.

– Какие люди! – Ванька подскочил с табурета, сгребая гостя в охапку. – Проходи, лесной отшельник! Вовка, ну-ка... там стопарь достань!

– Ванька, не суетись – не буду! – попытался остановить гостеприимного хозяина Андрей, уже зная, что это совершен-

но бесполезная попытка. – Слышь, мужики, а что стряслось? Война, что ли? Я еле-еле в деревню прорвался...

– А, кстати, да – как ты прорвался? – удивился Вовка, всё-таки водрузив на стол четвёртую стопку. – Оцепили же вроде всю Ржанку...

– А то ты брата моего не знаешь! – фыркнул хозяин дома. – Беркут в замочную скважину просочится...

– Ну, это ты зря, – оспорил Андрей сомнительный комплимент, – но дороги знаю такие, про которые не все помнят, это точно. Так что тут случилось, а? Можно подумать, в наш колхоз сам Леонид Ильич пожаловал?

– Типун тебе на язык! – фыркнул Санёк. – Тут и так...

– Вань, не наливай, сказал же – не буду! – отвлёкся Беркутов на брата.

– Кто тебя спрашивает, малой! – фыркнул Ваня. – Отказ не принимается. На сухую у нас разговора не выйдет...

– Ага, мы с трезвенниками-язвенниками не разговариваем, – заржал Вован. – Хочешь, чтобы рассказали – поддержи друзей!

– Ладно, – вздохнул, смирившись, Беркутов, – но только за компанию, чуток... А что за повод-то? Белый день на дворе, а вы уже...

– Андрю-ю-ю-ха, тут такой повод... – загадочно протянул Ванька. – Ты не поверишь, что сегодня стряслось! Фантастика!

– Ширяев, не томи уже! – Андрей начинал злиться.

Его вообще неимоверно раздражали люди «навеселе». В детстве насмотрелся на вечно «синего» отчима. Потому и самого от пошла воротило.

От болтовни и шума тоже порядком отвык в лесу, и крикливые поддатые друзья сейчас вызывали желание поскорее убраться отсюда. Но надо было выяснить, почему вдруг в Ржанке столько военных оказалось.

– Короче, брат, такое дело... – таинственно начал пьяный Ванька, – у нас тут сегодня обнаружили гроб... Вернее, я его и обнаружил.

– Какой ещё гроб? – нахмурился Беркут.

– Хрустальный, – развёл руками Ширяев. – Как у Пушкина... Гроб. И царевна в нём. Мёртвая...

– Мужики, а... – Андрей вздохнул, заглянул в стопку, которую до сих пор вертел в руках, и отставил прочь, – вы что сегодня пьёте?

– Да это моя смородиновка, – фыркнул Ванька, – пей, не дрейфь! Считай, сок полезный, из своей же ягоды... Ты что думаешь, к нам «белочка» пришла? Тогда и к тебе тоже, брат! Ты же военных видел? Или, думаешь, они тоже не в себе и решили оцепление вокруг деревни выставить?

– Андрюха, он правду говорит! Я сам её видел... В гробу! – Санёк сделал страшные глаза.

– Да мы все видели! – кивнул Вовка. – Пока военные не разогнали всех зевак и не заперли клуб... Теперь там караул на крыльце дежурит. Завтра вертолёт пришлёт и увезут её

отсюда.

– В смысле? – закашлялся Беркутов. – Этот гроб... сейчас в клубе?

– Ну... а куда его было? – пожал плечами Ширяев. – Не к председателю же домой? Его бы ещё сегодня вывезли... Так видишь, туман какой... Погода нелётная...

– Т-а-а-а-к... – Андрей обвёл хмурым взглядом всю компанию, – вы надо мной поиздеваться решили, да?

– Бра-а-а-т! Да честное пионерское! – фыркнул Ванька. – Я бы сводил тебя посмотреть, но эти черти никого уже не пускают в клуб...

Андрей тряхнул головой и сам без всяких уговоров взялся за стопку.

– Ну-ка, Ванька, по порядку всё рассказывай! Ни черта не пойму! Какой гроб, какая царевна, какой Пушкин?

– Короче, сегодня в обед... – бодро начал Ширяев...

2 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

(Иван)

Лето 1970 г.

Мотор чихал, тарахтел и рычал так громко, что Ванька не слышал ни слова. О том, что Саня ему что-то пытается сказать, Ширяев понял скорее по жестам приятеля. Он открыл дверцу бульдозера, высунулся наружу.

– Чего?

– Ванька, пошли жрать! Обед уже...

Он покосился на свою «гордость» – механические часы на кожаном ремешке.

– Ещё двадцать минут до обеда... – крикнул, стараясь переорать шум мотора.

– Тебе что, больше всех надо? – насмешливо фыркнул друг.

– Вот этот завал сейчас разгребу и приду, – Ванька нырнул обратно в кабину.

Строительство дороги и моста дело долгое и масштабное. Но Ширяеву нравилось в нём участвовать.

Весной старый деревянный мост разрушило во время половодья. Его подлатали на скорую руку. Но это до первых осенних дождей.

А потом председателю удалось каким-то чудом выклян-

чить, чтобы дорожные ремонтники, занимавшиеся центральной трассой, и до их Ржанки проложили настоящий асфальт, а заодно и мост через Ржавую построили – настоящий, современный, прочный.

Мужики из деревни подрядились помогать – платили здесь хорошо, не то, что на пахоте или сенокосе.

Ну и Ванька свой шанс не упустил – тракторист он был со стажем, и с этим громоздким зверем-бульдозером, похожим на динозавра, быстро нашёл общий язык. Временами, правда, с твёрдой скальной породой не могли справиться даже мощные машины, и тогда приходилось взрывать. Но к этому делу деревенских не подпускали.

Вот и вчера взрывники вечером отработали – разгромили часть каменного выступа на берегу реки, который мешал прокладывать дорогу дальше. А Ванька сегодня должен был разгрести эти завалы по дну котлована, утрамбовать немного. Осталась уже небольшая куча – три-четыре раза проехаться, и готово. А потом и на обед с чистой совестью...

Мотор ворчливо зарычал, отвал зарылся в угольно-чёрную породу. Внезапно трактор словно упёрся в преграду, буксовал на месте, злился, ревел, но почти не трогался с места. Ширяев сдал назад и попытался ещё раз.

Ванька даже почувствовал, как металл шаркнул обо что-то большое и тяжёлое. Такой огромный камень попался, что ли?

Он снова сдал назад, уже начиная злиться – вот ведь, на-

зывается, закончил дела по-быстрому... Лучше бы на обед пошёл!

Ширяев сгрёб часть грунта с краю, пытаясь увидеть, что же там засело в глубине земляного холмика. Со второй попытки отвал бульдозера снова зацепил что-то внушительное, но в этот раз потянул за собой в бок.

Ваня даже привстал слегка, с удивлением разглядывая какой-то грязный серый прямоугольник. Будто кусок бетонной плиты. Торчащий угол никак не походил на природный камень.

Ванька выжал до упора, с трудом выталкивая странную находку из кучи каменных осколков и земли.

Поспешно заглушив мотор, Ширяев выскочил на улицу.

То, что он разрыл, больше всего напоминало большой каменный ящик.

Да, ящик! Такой кусок камня точно не мог отколоться случайно при взрыве. Да и порода тут тёмная, а это... смахивало на светлый мрамор. И явно к созданию этой штуки приложил руку человек. Слишком правильная форма, крышка, покрытая вязью узоров, а ещё каким-то странным налётом, вроде инея... Вот только сверкающий белёсый ледок на солнце не таял.

– Ванька! Это чего там у тебя? – Саня, застыв на краю откоса, смешно тянул шею, разглядывая находку.

– Да хрен его знает... – пробурчал Ширяев, нехорошее предчувствие уже царапнуло по душе. – Сань, тащи лопату!

Друг вернулся быстро, с двумя лопатами... и тремя му-
жиками со смены.

Те пока опасливо держались в сторонке. А Ваня принялся
бодро откапывать странный предмет. Санёк присоединился.
За пять минут они отгребли грунт, и ящик теперь был как
на ладони.

– Слышь... на этот похоже... как его... саркофаг... –
вдруг выдал Саня.

Иван удивлённо обернулся на друга.

– Ну... как в Египте... – сконфуженно добавил тот.

Ширяев понял, что Санька имел в виду. Его удивило дру-
гое – откуда шалопай, балбес и вечный двоечник Санёк во-
обще такие слова знает.

– Твою мать, смотри! Тает! – ахнул Никитич, седовласый
инженер, подходя ближе.

Ванька и сам уже увидел. Льдистый налёт на поверхности
быстро исчезал. А вместе с ним таяла, как снег, тонкая про-
слойка между крышкой и самим ящиком.

Санёк, недолго думая, макнул палец в стекающую по рез-
ной боковине влагу и сунул в рот.

– Тьфу! Кисло, как уксус! – сморщился он.

– Придурок! – оттолкнул его Ванька. – А вдруг ядовито?!

– Я думал, это лёд... – надулся Саня.

Замазка между тем стекла на землю, обнажив широкую
щель – словно приглашала сдвинуть в сторону крышку этого
каменного сундука.

– Ну? Кто смелый? – обернулся Ванька, а у самого голос дрогнул. – Откроем? Вдруг там сокровища, золото, бриллианты...

Мужики переглянулись, пожали плечами.

– Что уж теперь... – рассудил Никитич, – давайте откроем! Надо ж глянуть, что там...

Мужики нерешительно подошли ближе, упёрлись все в один край и рывком сдвинули в сторону неподъёмную на вид крышку.

– Едрить твою! – крикнул бригадир, которого в противовес Саньку все называли Шурик.

Остальные мужики, застыли, онемев от открывшейся им картины.

– Спящая красавица! – восхищённо выдал наконец Никитич.

– Скорее уж... мёртвая царевна... – почесал затылок Ванька.

От литературы он был далёк. Но помнил мультик, который смотрел в детстве, да и сказку Пушкина в школе ещё читал. И вот сейчас волшебная сказка оживала на глазах у Ширяева.

Внутри каменного саркофага обнаружился самый настоящий хрустальный гроб. Абсолютно прозрачный, сверкающий в тусклых лучах августовского солнца, невероятно красивый и совершенно нереальный.

Может быть, это не хрусталь, а стекло, или лёд, или во-все... алмаз какой-нибудь. Но первое, что пришло в голову – слова из сказочки Александра Сергеевича.

Ведь к гробу, по всем законам волшебных историй, прилагалась и «мёртвая царевна».

Внутри, под прозрачной крышкой, без труда можно было рассмотреть женщину. Вернее, молодую девушку. На вид ей было лет двадцать, может, чуть больше.

А какая красавица! Словно из кино явилась. В Ржанке таких отродясь не водилось!

Может, Ваньке так, конечно, с испугу почудилось... Но на несколько мгновений он застыл, разглядывая в восхищении утончённые черты лица, светлую безупречную кожу, длинные русые локоны, заплетённые в две свободные косы. Такое странное ощущение складывалось, будто они отросли уже после того, как красавицу упрятали в саркофаг – на концах переплетены плотно, а ближе к голове свободно растекались.

А ещё, разумеется, особое внимание Ванька уделил всем аппетитным изгибам роскошной фигуры.

На «спящей красавице» было белое кружевное платье, почти не скрывающее шикарную грудь (высокую и пышную, несмотря на то, что девица лежала на спине), тонкую талию, округлые бедра, длинные стройные ноги.

Белое платье... Может, она невеста? Да, только уж больно распутное платье для невесты. Так и светятся сквозь него все девичьи прелести. Так и манят!

На миг Ванька даже забыл, что смотрит на мертвую. Показалось, просто спит красавица...

Стоп! А с чего он взял, что она мёртвая?

Никто не знает, сколько лет она в гробу пробыла. Но ведь всем известно, покойники быстро страшными становятся, тело начинает... Ванька оборвал пугающие мысли, передёрнул плечами.

Красавица на труп точно не походила. Идеальная красота. Словно куколка в человеческий рост.

На живую, правда, она тоже не очень похожа. Сквозь толстую стеклянную крышку было непонятно, дышит или нет, но Ванька, сколько не присматривался, не улавливал никакого дыхания или движения...

Зато он увидел кое-что другое, не менее примечательное, чем сама девушка.

Глазастый Санёк тоже рассмотрел и ткнул пальцем.

– А это чего такое? Мигает...

В изголовье рядом с красавицей лежала какая-то неведомая чёрная штука – плоский, тонкий прямоугольник, размером с ладонь, чёрный, глянцево-блестящий, будто он был из тёмного стекла или металла. На боковине по очереди светились два крохотных огонька – красный и синий.

– Может... откроем? – оглядел остальных безбашенный Санька.

– Цыц, шальной! – оборвал его Никитич. – Мало ли... чего...

– Ага, откроешь, а она встанет оттудова... Как эта... ведьма, – заголосил Михалыч, ещё один невольный свидетель происшествия.

Михалыч, видно, до сих пор ходил под впечатлением от просмотренного не так давно «Вия». В то, что красавица из гроба восстанет, Ванька не верил, но открывать хрустальную крышку тоже не спешил. Прав Никитич, мало ли...

– Откуда она тут взялась-то? – вздохнул обречённо инженер. – Ванька, где ты её откопал, а?

– Как где? Тут... – Ширяев махнул рукой на кучку грунта, которую так и не успел растащить. – Видимо, она в скале была замурована. А мужики вчера подорвали, она и вышла на поверхность.

– Бабка моя говорила, что в этой горе пещеры есть... – таинственно шепнул Санька. – Раньше от реки летом лаз в них был, когда Ржавая мельчала. А потом как-то по весне было много снега, подтопило сильно, и берег тут обвалился, вход в пещеру и закрыло наглухо. Может, эта... там, в пещере, и спрятана была... или похоронена.

– Всё может быть, – кивнул Никитич. – Вопрос, что нам с этой красотой неземной делать теперь, а?

– Давайте откроем! – взмолился Санька. – Смотрите, там... как будто вода внутри... плещется. И штука эта с огоньками... Давайте!

– Отойди от неё, шальной! Кому сказано! – гаркнул Никитич. – Совсем ума нет!

– Начальству надо сообщить, – рассудил Шурик, сделав страшные глаза. – Мы люди маленькие, не нам судить. Пусть начальство разбирается.

– Верно! – закивали согласно все, кроме Саньки.

Даже Ширяев понимал, что про такую находку надо сообщить. Скроешь – по голове не погладят, если вдруг прознают. А прознают точно... Если тайну знают двое, это уже не тайна. А их тут вон сколько...

И, вообще, какой смысл находку скрывать? Девка не из серебра или золота... Какой с неё прок?

А вот если сообщат они сейчас, сразу, расскажут, как было дело, то, глядишь, ещё и премию дадут.

По всему ж выходит, что нашли они ценность какую-то. Не каждый день в сибирской глуши царевну в хрустальном гробе откапывают...

– Давай, Александр, иди! Рапортуй! – Никитич хлопнул Шурика по плечу, словно вдохновляя на столь ответственное задание.

Бригадир ушёл, а следом потянулись и остальные – любопытно было послушать, как будет бедняга объясняться с руководством.

У саркофага остались только Ширяев и Санёк.

3 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

– Санька, ты что творишь!

Не успел Ширяев на одну секунду отлучиться, как этот любопытный дуралей уже сунул свой нос, куда не следовало.

Ванька бросился обратно, но слишком поздно – Санёк умудрился ловко сдвинуть хрустальную крышку. Та, очевидно, оказалась легче, чем можно было предположить, откатилась вбок как по маслу...

И, если бы Ширяев не успел подхватить, сейчас наверняка бы вылетела из рук этого балбеса и разбилась, грохнувшись на ту, другую, каменную, которую оставили рядом, на земле.

– О! Тут и правда... вода... – изумлённо выдал Санька, склоняясь на прозрачным саркофагом.

Ваня ближе подойти не мог – крышку придерживал. Но он и так отлично видел, что друг прав – тело удивительной красавицы было полностью погружено в какую-то прозрачную жидкость.

Вернее, прозрачной она была сначала...

– Ой, Ванька смотри, розовеет! – ахнул Санёк с восторгом – ну как ребёнок, честное слово.

На прозрачной поверхности действительно появились пятна, нежно-розовые и бледно-голубые. Они переливались и поблёскивали перламутром – красиво, очень красиво, завораживающе красиво... И очень страшно!

Кто его знает, что ещё ждоть от неведомой находки?

— Как думаешь, что это? — Саня нагнулся ниже, пригнувшись. — Не вода же, наверное?

— А ты рожей туда нырни! — зло посоветовал Ширяев. — Или ещё и это на язык попробуй! Вдруг пить можно. Так отольём себе ведёрко, вместо браги...

— Думаешь? — друг уставился на него изумлённо. — Можно пить?

— Сань, ты как до этих лет вообще дожил? — удручённо покачал головой Ванька. — Я бы с такой пустой башкой и года не протянул... Там труп плавает в этой жиже, а ты её пробовать собрался.

— Да ничего я не собирался! — огрызнулся Саня. — Я вот эту штучку хотел глянуть...

И этот дурень сунул руку в гроб, выуживая чёрную плоскую коробочку, лежавшую в головах у «мёртвой царевны». Ширяев даже заорать не успел. Зажмурился в ужасе, искренне ожидая, что сейчас Санька без руки останется или вовсе умрёт на месте. А может заодно и его, Ваньку, угробит.

Но ничего не произошло.

Санёк, довольный своим уловом, глядел на странную вещь в своих руках.

— Ванька, как думаешь, это чего такое? Может, оно открывается?

— Лучше не трогай! Поклади на место! — у Ширяева по спине мурашки побежали, хоть и лето на дворе. — Мало ли...

Вдруг это... бомба!

– Да ну! – нахмурил брови Санёк. – Бомбы такие не бывают.

– Много ты понимаешь! – проворчал Ваня. – Такого вообще не бывает. Только в сказках... А мы отрыли!

– Ты отрыл, а не мы, – нагло ухмыльнулся Санёк. – Перед начальством сам будешь отдуваться.

– Ах, ты ж... жук хитрый, – фыркнул Ширяев. – Друг называется. А я вот скажу, что ты гроб открыл и руками туда залез!

Санька едва не выронил из рук чёрную коробочку.

– Так, ну-ка быстро обратно положи, пока не разбил! – Ванька не на шутку испугался.

У Санька вечно всё мимо рук валится: уронит, ломает, а потом с кого спросят – с Ширяева, конечно.

– Вань, а может по ней стукнуть чуток, вдруг откроется, или заработает? – пытливый ум Санька никак не мог успокоиться. – Мигает же... Значит, на батарейках. Только вот... куда она там влезла, эта батарейка, плоская же совсем штуковина? И где открыть? Можно, я её камнем?

– Я тебе сейчас стукну! Так стукну! – Ваня разозлился уже по-настоящему. – Быстро всё убирай на место и помоги мне закрыть, как было! Вон мужики идут... Сейчас нам так влетит, мало не покажется.

Саня оглянулся испуганно на бытовку, от которой в их сторону и, правда, направлялась... о, кажется, теперь вся

смена, включая повара Ларису.

Все исследовательские порывы у Саньки сразу прошли. Он моментально вернул на место неразгаданную чёрную вещь и торопливо помог Ване задвинуть обратно прозрачную крышку.

К тому времени, пока до них дошагали все остальные, два закадычных друга уже со скучающим видом сидели в стороне от саркофага.

– Ну, что там? Что Пётр Семёнович сказал? – Ванька пытливо заглядывал в хмурое лицо бригадира, а Шурик рот открывать не торопился.

– Что Семёныч сказал? – неожиданно встрял инженер и вскинул на Ширяева такой сердитый взгляд, будто во всём этом цирке виноват был исключительно Ванька. – Что по статье нас всех уволит, вот что сказал...

– За что? – Иван и Санька удивлённо переглянулись.

– За пьянку на рабочем месте... – проворчал Шурик, уже практически с ненавистью глядя на волшебный хрустальный гроб. – Чтобы мы его так больше не позорили!

– Так мы же трезвые, – опешил Санька.

– А вот он так не думает, – развёл руками бригадир. – После всего, что мы ему наговорили, Семёныч решил, что мы тут все вместе того... А поскольку Семёныч нашему председателю родной брат, то сейчас он ещё и в контору позвонит, Макару на нас нажалуется.

– Вот дела! – ахнул Ванька.

– Ага, дела, – вздохнул Никитич. – Надо было тебе, Ванька, эту красоту сказочную прикопать обратно потихоньку и помалкивать. А теперь чего? Теперь уже поздно вздыхать. Даже если скажем, что ничего тут не было, и мы пошутили, за шуточки такие тоже всем влетит.

– Куда ж прикапывать, ты чего говоришь, Вася! – ахнула за их спинами Лариса, не отлипавшая от хрустального саркофага. – Разве можно? Глянь, краля какая! А платье-то, платье... Отродясь такой гипюр не видала! Она же как из сказки!

– Вот именно, как из сказки, – огрызнулся Никитич. – Никто и не верит в сказки наши!

– Подождите! – Ширяев приободрился мгновенно. – Так надо им доказать!

– Что доказать? – скривился хмуро Шурик, словно у него заныли зубы.

– Всё! – улыбнулся довольный собой Ванька. – Что царевна настоящая, что мы трезвые, что всё на самом деле.

– Вот смекалистый, Ванюха! Вот молодец! – хлопнул его по плечу инженер. – Свезём находку нашу в деревню и председателю покажем. Пусть они там думают, что с этим *икспонатом* музейным делать. И нас пусть хоть обнюхивают, пусть знают, что тут никто ни капли!

Шурик просиял от такой идеи.

– Дело говоришь! Санька, дуй за ЗИЛком! Загрузим сей-

час красоту эту и отвезём с председателем знакомиться. Так, мужики... Давайте все вместе берём и тащим этот ящик туда, к дороге ближе!

Резную каменную крышку быстро водрузили обратно на саркофаг. Взялись все дружно, пачкая натруженные руки в земле. Но сколько не пыхтели, лишь чуть сдвинули, поднять не смогли. Раскрасневшиеся от натуги мужики отступили, почёсывая затылки.

– Этак мы пупки надорвём, – хмыкнул Толик, паренёк из городских.

Ширяев хотел было предложить слить хотя бы часть жидкости из хрустального гроба, чтобы уменьшить вес. Но вовремя прикусил язык. Саньку точно влетит за то, что без разрешения открыл находку.

А ещё... неизвестно ведь, что это за странная водица, меняющая цвет. И неизвестно, что станет с землей там, куда она прольётся.

Хотя... с Саньком же ничего не случилось. Да... Просто с Саньком уже давно всё случилось, видимо. Как говорится, в детстве пять раз подкинули – один раз поймали.

Словом, Ширяев благоразумно промолчал.

К счастью, Василий Никитич быстро сообразил, что так можно до вечера пыхтеть, и велел тащить лебёдку и веревки.

Дело пошло сразу быстрее. Но возились они ещё долго. Кое-как всё-таки удалось затащить громоздкий каменный ящик в кузов ЗИЛа. Грузовик заметно просел под тяжестью,

но потихоньку двинулся.

— Ванька, — махнул рукой Шурик. — Прыгай к Саньке в кабину! Я тут поеду. Будешь сам председателю рассказывать, откуда ты эту девку взял! Остальные работайте! Нам рабочий день никто не отменял...

Вопреки этому распоряжению, вся смена ещё долго стояла на месте и провожала тревожными взглядами грузовик, медленно ползущий по изрытой колеями грунтовой дороге. Переваливающийся с бока на бок ЗИЛок, издали напоминавший большого неуклюжего жука, направлялся в сторону Ржанки.

4 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

Деревня есть деревня! Не успели они явиться в Ржанку, а о том, что случилось, кажется, уже всем было известно.

Грузовик остановился у дома председателя. В это время он всегда заходил домой на обед, горячих щей похлебать.

На крыльцо спешно выкатился полноватый, покрасневшийся Макар Семёнович, следом Клавдия, его жена, и Васька, внучок. Из-под косматых бровей председатель хмуро разглядывал ЗИЛ и его пассажиров.

– Принимай, Семёныч! – крикнул бригадир, ловко спрыгивая на землю.

– Это чего у вас такое? – председатель подошёл ближе, а за ним подтянулось и с десяток любопытных соседей.

– Так... она... Спящая царевна во гробе хрустальном, – хмыкнул Шурик. – И прежде чем ругаться и крутить пальцем у виска, сам залезь и погляди! Такого ты точно не видел...

Насупившись ещё больше, Макар схватился за железный борт и, пытаясь, вскарабкался наверх. Но с тяжёлой крышкой саркофага он не справился, махнул призывно, чтобы помогли. В кузов заскочило несколько мужиков помоложе, открыли гроб, ахнули.

Тут уж всем любопытно стало – машину облепили со всех сторон, как голуби крышу тока[1]. Кто понаглее да порасторопнее по очереди забирались в машину, охали, ахали, спус-

кались, уступая другим. Кто не мог подняться в кузов, нетерпеливо спрашивали, что там такое.

Народ, как по волшебству, потянулся со всех уголков деревни. Поползли сначала шепотки, потом, уже не таясь, загалдели все разом. Бабка Лидия крестилась и причитала что-то про кару Божью и светопреставление. Семёныч грозил ей пальцем и требовал прекратить пропаганду всяких антисоветских идей.

Ширяев оторопело оглядывался, только сейчас осознавая, какую кашу они заварили. Вокруг них троих собралось плотное кольцо зевак. Каждый односельчанин считал своим долгом непременно задать в тысячный раз вопрос, кто обнаружил дивную находку, и как это случилось, и где, и...

Голова уже шла кругом, хотелось сбежать домой. Но куда-там!

Семёныч сказал, что позвонил в район. Теперь надо ждать комиссию из города. А Ваньке предстоит всё рассказать ещё раз. А у него уже язык болел. Да и ладно...

Зато на всю деревню теперь прославился. Можно ещё месяц, а то и два, со двора во двор гулять – везде накормят и напоят, лишь бы подробности рассказал да попугал от души своими байками.

А потом, часа через два или три, в Ржанку неожиданно въехало несколько армейских машин, громоздких, суровых, пугающих. Солдатики, молодые, совсем зелёные, но весьма серьёзные, высыпали из них и слаженно окружили деревен-

ских, собравшихся у дома председателя.

Как выяснилось позже, перекрыли и все (или почти все) дороги в Ржанку. Оцепили тот самый квадрат на берегу реки, где велись работы по строительству дороги. Смену опросили, записали личные данные, велели не болтать лишнего и отправили по домам на неопределённый срок. Сказали, дорожные работы пока будут приостановлены. Всё это случилось так быстро и неожиданно, что даже напугало слегка.

Спустя ещё немного времени появились новые участники этой странной истории: несколько человек в военной форме, остальные – в штатском, но в добротных костюмах и модных ботинках. По сравнению с этими их Семёныч смотрелся совершенно деревенщиной, даром, что председатель.

Строгие мужики, не улыбочивые, смотрят свысока, сразу видно – начальство. Принялись всё осматривать, «обнюхивать».

Гроб велели убрать с всеобщего обозрения.

Макар Семёныч пожал плечами... Морга в деревне не было. В дом к себе он это заносить не хотел.

И, поразмыслив, председатель предложил помещение деревенского клуба – просторный зал без окон, бывший склад, там и прохладно, и не живёт никто. Подходящее место.

Саньку за руль уже не пустили. В ЗИЛ забрался один из военных, доехал до клуба. Выгружали саркофаг тоже военные. Унесли внутрь, закрыли дверь, поставили двух часовых на крыльце. Всем велели разойтись по домам.

Кроме виновников происшествия...

А их, всех троих, развели по разным кабинетам в конторе. И Ваньке снова пришлось долго, нудно, с подробностями, под запись пересказывать всю историю. После он поставил подпись под протоколом беседы, выслушал настоятельную рекомендацию поменьше трепать языком и был наконец-то отпущен домой.

На крыльце его дома, в тенике, Ширяева уже поджидал Санёк. Рядом стоял их третий закадычный дружок Вовка, у которого по счастливой случайности сегодня был выходной, а потому в заварушку с «мёртвой царевной» он не попал.

– Ширяев, это дело надо отметить! – решительно заявил Санька.

Ванька только согласно кивнул. От всего, что сегодня свалилось на его бедную голову, у Ширяева мелко и неприятно дрожали руки.

[1] место для хранения и первичной обработки зерна

5 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

(Андрей)

Лето 1970 г.

– Вот такие дела, Андрюха! – подвёл итог Ванька. – Вот такие дела...

– Да уж! – Беркутов качнул головой, и комната поплыла едва заметно.

Пока брат в красках пересказывал все невероятные события сегодняшнего дня, они успели знатно «подкрепиться». И с непривычки Андрей слегка захмелел.

Довольно странное и непривычное для него ощущение. В лесу злоупотреблять было не с кем. А в деревне он бывал редко. Работа егерем требовала постоянного присутствия на вверенной ему территории. И это Беркутова полностью устраивало. По людям он особо не скучал.

А вот сейчас как-то незаметно опьянел. На голодный желудок, уставший – чему тут удивляться.

Нет, чувствовал себя Андрей хорошо. И, конечно, вполне контролировал своё поведение, но настроение быстро менялось на какое-то хулиганское... Так и потянуло навстречу приключениям.

– И, значит, эта ваша спящая красавица до сих пор в клубе? – хмыкнул он.

– Слышь, Вань, – прищурил один глаз Вовка, – Беркут, кажись, нам не поверил!

– Да как можно не поверить? – усмехнулся Андрей. – Сказочники из вас получились... Куда там Пушкину!

– Да честное пионерское! – фыркнул Санька. – Ну, мы же все видели! Своими глазами видели. Мы что, тебе врать будем?

– Сказочки тебе, шуточки, – обиделся Ванька. – Тебя бы вызвали в контору для беседы, сразу бы весь смех пропал. Знаешь, как страшно! Даже фамилия у этого, главного их... Страхов! Полковник Страхов. Андрюха, и он вправду страшный. Мне Семёныч по-тихому шепнул, что этот полковник – кагэбэшник. Ну, мне-то до лампочки, конечно! Мне чего бояться – я против советской власти ничего не имею, ничего не скрываю, не замышляю... Всё честно выложил, что знал про этот гроб проклятый. Вроде, чего переживать? Но, ты знаешь, Беркут, вот как глянет своими зенками чёрными, меня аж в табуретку вжимает! И вроде не орёт, а так и хочется уши заткнуть, а ещё лучше – голову прикрыть.

– Ага, я его тоже видел, мужика этого, – рьяно принялся подтверждать Санька, хоть его никто и не просил. – Он мимо проходил, как зыркнет, я чуть под землю не провалился! Хорошо, что меня не полковник этот допрашивал.

– Что-то не пойму, КГБ тут зачем? – удивился Беркутов.

– А потому, брат, что, видно, ценную мы штуковину откопали... – таинственным шёпотом доложил пьяный Ширяев.

– Всесоюзной важности, вот! А, может, и мировой...

– Что ж они её тогда не увезли сразу? – хмыкнул Андрей.

– Если ценность такая.

– Вертолёт ждут, я же говорил, – развёл руками Ширяев.

– Это тоже Семёныч шепнул. Что с Новосиба должен прилететь вертолёт. Тока погода, видишь, какая? Затянуло всё... Если завтра не расчистит, так, может, и завтра не будет вертушки. И будем мы тут неделю под конвоем у военных ходить.

– Под конвоем... это, конечно, плохо, – хитро усмехнулся Беркут, – хотя... при желании, можно и мимо конвоя проскочить, как видите. А вот то, что гроб не увезли... Это хорошо! Может, и мне повезёт увидеть эту вашу чудо-находку.

– Что, любопытно стало? – насмешливо поинтересовался Ванька.

– Конечно, любопытно, – признал Беркутов. – Очень любопытно. А что, говорите, клуб так прямо охраняют и никого не пускают?

– Ага, двое, с оружием, прямо у входа, на крыльце, – приуныв, подтвердил Санёк.

– Неужели настолько любопытно? – недоверчиво прищурился Ваня. – Так ведь заперта дверь, часовые её... Как ты туда попадешь?

Да, Ширяев Беркутова знал слишком хорошо, сразу понял, что тот задумал. Андрей и отпираться не стал.

– Ну... это главный вход под охраной... А вот интересно,

про то, что в клуб через подсобку зайти можно, военные тоже знают?

– Беркут – ты голова! – Санёк восторженно хлопнул приятеля по плечу.

– Да вы что, с ума сошли? – Вовка тоже сообразил – сначала побледнел, а потом пошёл красными пятнами. – Как вы мимо часовых проскочите? А если поймают... Это ж военные, КГБ... Да вас же под суд!

– Почему «вас»? Нас! – весело провозгласил Ширяев. – Все вместе пойдём! Пока мы с Беркутом будем пробираться во вражеский лагерь, вы с Санькой возьмёте огонь на себя!

– Это как? – нахмурился Вовка – то ли самый трезвый, то ли самый здравомыслящий.

– Кому-то надо отвлекать часовых! – широко улыбнулся Ванька. – И я даже знаю как...

– Здравия желаю! – задорно козырнул Санька. – Как там, мужики, всё в порядке? Не сбежала наша спящая красавица?

Двое военных, расслабленно сидевших на крыльце клуба, неторопливо поднялись, с недовольством оглядывая деревенских.

– Мужики, вы извините его! – Вовка сдвинул Саню за спину. – Это наш местный дурачок. Язык что помело...

Солдаты смотрели на них молча и чуть свысока.

Вовка шагнул ближе и заговорил уже тише:

– Мужики... А можно нам на минутку туда, а? На одну

минутку! Хоть краем глаза глянуть! А то... Санька видел, а я нет...

Тяжкий вздох должен был показать, насколько такая несправедливость удручает Владимира, но лица обоих часовых оставались совершенно безучастными.

И парень продолжил умоляюще:

– А так хочется на царевну эту поглядеть, вот мочи нет терпеть! Мы по-тихому – глянем и всё, сразу уйдем!

– Шли бы вы по своим делам! – буркнул один из караула.
– Не положено нам с посторонними разговаривать.

– Так мы ж понимаем всё, мы понимаем... Служба! – снова встрял Санёк. – Серьёзное дело делаете. Молодцы! Но мы ж никому ни слова. Я просто другу рассказал, какая девка там, в гробу, ему тоже захотелось посмотреть, вот...

– Сами понимаете, не каждый день у нас в деревне такое, – Вовка улыбнулся широко, открыто, по-приятельски. – Такая находка, да и военные, и всё это... Впустите нас, а? А уж мы в долгу не останемся...

Вова загадочно ухмыльнулся и слегка махнул полой куртки, под которой что-то многозначительно булькнуло.

Солдатики переглянулись и приосанились. Лица их уже не были такими невозмутимыми. Оно и понятно...

С одной стороны, они выполняли приказ, охраняли объект, и если их кто-то застанет за распитием с местными... С другой стороны, когда ещё такой шанс выпадет – выпить, да ещё и на халяву. И если подумать хорошенько, объект ведь

никуда не денется. Им сказали вход в клуб охранять, так они и охраняют.

– Наша смородиновка лучшее, что есть в Ржанке... – про-
никновенно доложил Санька. – Давайте, мужики, по чуть-
чуть! Мы вас угостим, как радушные хозяева хороших го-
стей.

– Спасибо, но нельзя нам, – вздохнул солдатик, который
казался помоложе. – Извините, мужики, мы на посту.

– Ну что вы, как не родные?! – скис Вовка. – Мы ж от всей
души! Ну... Мы же рады, что к нам такие люди в деревню
приехали. Мы от чистого сердца!

– Приказ никому внутрь не входить, – отрезал тот, что
постарше, но совершенно без злости, скорее с сожалением.
– Нельзя нам вас запустить. Должны понимать – приказ есть
приказ.

– Жалко, – вздохнул Санёк.

– Жалко у пчёлки в попе, – подколот его друг и неуныва-
юще махнул рукой. – Да и ладно! Нельзя так нельзя! Давайте
хоть так, за знакомство! Что нам теперь обратно всё нести?

– Что, просто так угощаете? – не поверил старший из ка-
раула.

– А что бы не угостить хороших людей? – пожал плечами
Вовка. – Сань, давай! Это, кстати, Саня, а я – Вова...

– И я Саня!

– Тёзки, стало быть!

– А меня Лёней звать.

– Так, мужики, я на разливе... Поближе вставайте кружком, меня от дороги прикройте! – Вовка быстро взял инициативу в свои руки и лениво продолжил беседу: – Откуда сами-то, Лёня?

– Я с Владивостока.

– О, вот так занесло! Бывали у нас в Сибири?..

Андрей и Ваня, наблюдавшие из буйных зарослей черёмухи за всей этой весёлой сценой, переглянулись.

– А! Что я говорил, Беркут? – прошептал Ширяев с довольной усмешкой. – Не родился ещё тот человек, который устоит перед моей «ягодкой-смородинкой»! Даже ты...

Андрей кивнул, улыбаясь, потом бросил ещё один взгляд на крыльцо клуба, где и без того оживлённая беседа становилась всё оживлённее, и призывно махнул рукой брату:

– Пора!

6 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

Старый заброшенный сад начинался сразу за деревенским клубом. Он был излюбленным местом для игры в прятки в пору детства Андрея, и излюбленным местом для свиданий с девочками в пору его юности.

Только вот с тех пор заросли всевозможных одичавших кустарников и раскидистых мощных яблонь подобрались к клубу вплотную. Но это сейчас Беркутову и Ширяеву только на руку. Никто их здесь, среди буйных порослей, не увидит.

А ещё удобно, что именно здесь, на краю сада, в тени деревьев, Андрей обычно бросал свой уазик, когда приезжал в Ржанку. Андрей по пути заглянул в машину и прихватил длинную плоскую отвёртку и фонарик.

Вот теперь, вооружившись инструментом, можно отправляться к пристройке, притулившейся у задней стены клуба. Крыльцо «культурного заведения» выходило прямо на центральную улицу, вот его-то и велено было охранять солдатам, а с обратной стороны клуба – никого.

О том, что внутрь можно попасть через подсобное помещение не знали даже многие работники клуба. Неприметную дверцу в заваленном хламом сарае рассмотреть можно было с трудом – только если знать, где искать. А выход в подсобку из танцевального зала был прикрыт облезлым плакатом с изображением пионерского строя.

Однажды, ещё в школьную пору, Андрюха и Ванька, во время школьной практики занимались побелкой стен в клубе и случайно обнаружили этот «тайный ход». Пробравшись по узкому тёмному коридорчику, они очутились в подсобном помещении. А там... Столько всякой старой рухляди – просто пещера сокровищ!

Да, тогда сарай их впечатлил гораздо больше, чем возможность проникнуть в клуб в обход тети Светы, грозной билетёрши на входе. А вот через несколько лет, мальчишки оценили свою находку по-настоящему. Когда их уже потянуло в клуб, где веселилась вся молодёжь, до которой они ещё не доросли чуток. Тётя Света вечерами их туда, разумеется, не пропускала. Но парнишки пробирались незаметно.

К счастью, если кто-то и удивлялся, как эта мелкота попала внутрь, жаловаться никто не жаловался. И пацаны неоднократно пользовались этой уловкой.

Потом необходимость тайно проникать в клуб отпала. А теперь вот неожиданно пригодилась.

Дверь в сарайчик жалобно скрипнула под нажимом сильных рук Андрея и его ловких манипуляций с отвёрткой. Друзья нырнули в тёмное нутро подсобки, прикрыли дверь, очутившись в абсолютной темноте.

Андрей щёлкнул кнопкой, и луч фонарика выхватил из мрака хорошо знакомую гору никому не нужных вещей: старые стулья, парты, цветочные горшки, плакаты и вешалки для одежды. Потревоженная их шагами многолетняя пыль

кружилась в полоске света, сверкая, словно новогодние снежинки.

Очень тихо и осторожно, чтобы случайно не запнуться и не наделать шума, Беркут и Ширяев стали пробираться к заветной двери. Несмотря на то, что оба были не совсем трезвыми, сейчас им удавалось двигаться практически бесшумно.

Уже дёрнув на себя хлипкую ободранную дверь, Беркутов вдруг замер на пороге...

«Андрюха, что ты творишь?» – мысленно упрекнул он сам себя.

Жаль, что благоразумие заявило о себе слишком поздно. Беркутов никогда не принадлежал к числу тех парней, которые вечно искали себе приключений на пятую точку.

Разумеется, как и все деревенские мальчишки, он рос предоставленный сам себе, носился повсюду, ходил один (или с такими же сорванцами) в лес, на скалы, на речку и даже на кладбище. Игры, которые они затевали, пожалуй, часто бывали опасными. И легко напугали бы взрослых.

Но никто из пацанят никогда ничего не боялся, не думал, что может покалечиться или убиться. Боялись только испачкать или порвать одежду, потому что за это от родителей бы наверняка влетело ремнём так, что потом ещё неделю не сесть. Всё это было обыденной жизнью деревенских мальчишек, и Беркут жил ею, как и все прочие.

Но вот специально на рожон Андрей никогда не лез, не

считал нужным ради бахвальства рисковать жизнью или здоровьем, держался в стороне от всяких сомнительных дел и *плохих* компаний. Понимал, что если с ним случится какая-то беда, мамка едва ли переживёт. Хватит ей и того, что с отцом случилось.

Андрей не был уверен, что мать любила отца по-настоящему... Вернее, он был убеждён, что если бы любила, не выскочила бы через пару лет замуж за эту сволочь, дядю Васю. Но то, как тяжело ей далась смерть мужа, Андрей запомнил очень хорошо, хоть сам тогда ещё мелкий совсем был. Она в тот год сразу постарела, осунулась, сгорбилась как-то.

Вот потому, жалея мать, Беркут всегда старался не хулиганить чрезмерно. Наверное, со стороны он казался слишком рассудительным и благоразумным ребёнком. Наверное, даже странным.

Что тут поделаешь? Иногда повзрослеть приходится слишком быстро и резко. Особенно, когда неожиданно уходит самый близкий и родной человек.

Беркут тряхнул головой, отгоняя эти тягостные мысли... Даже сейчас, спустя столько лет, думать об отце было невыносимо больно.

Как странно устроен наш разум... Начинаешь размышлять об одном, а мысли скользят совсем в другую сторону. Ведь сейчас он пытался убедить себя, что, может быть, впервые в жизни поддался искушению совершить глупость, о которой наверняка пожалеет. А сам неожиданно заблудился в

воспоминаниях о детстве и отце.

Да, отец бы за такую выходку не похвалил точно. Впрочем, чего тут бояться? Ну, не расстреляют же их за то, что они решили на этот гроб посмотреть. Ведь никакого преступления они не замышляют – просто взглянут и уйдут.

И всё-таки Андрей даже сам себе объяснить не мог, зачем он сюда притащился, зачем ему всё это было нужно. Просто иначе никак! Его сюда как магнитом притянуло. Странное чувство, не очень приятное, пугающее. Словно и не он сам этот выбор сделал. Словно выбора и не было вовсе...

Беркут, наконец, шагнул в узкий коридорчик, полубоком миновал его и, аккуратно отодвинув плакат, вошёл в зал.

Ванька пробрался следом. Ширяев, с его габаритами, немного застрял, плакат подозрительно затрещал... Андрюха оглянулся, вжав голову в плечи. Но брат всё-таки протиснулся.

Снова воцарилась тишина. На миг они замерли. Но, кажется, никто их не услышал. Андрей прислушался настороженно.

Иногда с улицы доносился приглушённый смех и низкий басовитый голос Вовки. Молодцы, хлопцы – заболтали солдатиков!

Андрей развернулся в сторону зала и замер, на миг перестав дышать...

Вот это зрелище! Действительно похоже на волшебную сказку.

На краю узкой сцены, где давал концерты ансамбль деревенской самодеятельности, сейчас стоял резной каменный ящик. Крышку с него сняли. И Андрей без труда, ещё изда- лека, разглядел покоящуюся под прозрачной крышкой «спя- щую красавицу».

Он машинально выключил бесполезный фонарик. Дополни- тельный свет сейчас был не нужен, потому что от сарко- фага исходило дивное голубоватое сияние.

Как замороженный Андрей двинулся к этому чуду, зага- дочно мерцавшему в полумраке.

Сказка всегда приходит неожиданно. Чаще всего, когда в неё уже не веришь, и не ждёшь, и можешь даже не заметить ненароком, пройти мимо...

Ведь ты уже взрослый, и точно знаешь, что чудес не бы- вает. Знаешь, что в жизни всё просто: как поработаешь, так и полопаешь. А проблемы никто, кроме тебя, не решит. И надеяться можно только на себя.

Сказка осталась в детстве. Это там, в счастливых бес- печных днях, было место для прекрасных принцесс, благо- родных рыцарей, добрых волшебников, фей, Деда Мороза и Снегурочки. А в настоящем есть место только здравому смыслу и вере в себя самого.

Но сказка... она всё-таки существует. И всегда приходит неожиданно.

Жестокая сказка является, чтобы пригвоздить тебя к по-

лу, чтобы отнять твоё дыхание и здравый смысл. И смеется, глядя со стороны, как ты ловишь воздух ртом, как рыба, и смешно таращишь глаза, силясь сказать хоть что-то вразумительное, и теряешь рассудок от восторга, как ребёнок, к которому явился Дед Мороз с подарками. Сказка знает, что взрослый человек ничтожно слаб, что ему не устоять перед настоящим чудом, что в жестокой битве рациональности с подлинным волшебством, у первой нет шансов на победу.

Давным-давно, когда ещё был жив отец, однажды, под Новый год, в деревенском клубе устроили для детей праздник, роскошный праздник с ёлкой, Дедом Морозом и Снегурочкой. Последних играли настоящие артисты, которых пригласили из города. Для Ржанки это было настоящее событие. Пожалуй, даже сейчас подобный праздник стал бы событием, а уж тогда...

Тогда маленький Андрюшка, конечно, и не подозревал, что волшебные гости ненастоящие. Про артистов Андрей узнал уже потом, в старших классах, услышал разговор двух учительниц, вспомнивших тот новогодний утренник. Разумеется, он уже к тому времени знал, что Деда Мороза не существует, но почему-то это знание и воспоминания о детском празднике существовали где-то отдельно друг от друга.

В его памяти навсегда осталась та невероятная ёлка, горящая сказочными огнями, сияющая мишурой и пузатыми золотистыми шарами, раскрасневшийся Дед Мороз в красной

шубе до пола. Он казался таким огромным, невероятным и добрым. А ещё... *она...*

Снегурочка. Ожившая сказка. Неземная, нереальная. Словно созданная из хрустальных осколков льда и невесомых снежинок. Она сияла так, что было больно глазам – сияла её корона, и полушубок, и рукавички, и сапожки, и белоснежная длинная коса, и восхитительное лицо, и бесконечно нежная улыбка.

Дети рассказывали стишки, которые выучили заранее, отгадывали загадки, наперегонки бросались участвовать в конкурсах. Всем хотелось получить подарки от щедрого Дедушки Мороза.

Андрюшка не хотел подарков. Он не сводил глаз с волшебной красавицы, что смеялась так звонко и мелодично, и пела песенки нежным серебряным голоском. Никогда он не видел такой красоты. Ожившая сказка. Чудо!

Разве мог он тогда заподозрить это совершенство в подлоге? В том, что это всего лишь обычная девчонка, актриса, которую нарядили в красивый костюм, и косу ей привязали к короне.

Сейчас у Андрея возникло ощущение, что он провалился назад в прошлое, снова превратился в того наивного мальчишку на детском утреннике, опять смотрит на мир тем незамутнённым взглядом, способным разглядеть истинное чудо. Ведь то, что видели его глаза, иначе как чудом назвать было нельзя.

Волшебная красавица Снегурочка из его детских грёз вернулась...

В сияющем саркофаге, спрятавшись за тонкой преградой из стекла, лежала девушка такой неземной красоты, что в её реальность верилось с трудом.

Царевна... Так её называл Ванька. Только, кажется, брат ошибся. Она не царевна, не принцесса, она, наверное, богиня. Богиня, из мифов, которые читал в детстве.

Изумительные черты лица, утончённость и царственность во всём её облике. Кружевное платье, тонкое как паутинка, как морозный иней на стекле. Дивные косы, наверняка мягкие и гладкие, как шёлк. К ним так нестерпимо хотелось прикоснуться! Проверить ладонью – не лгут ли глаза!

Ширяев вдруг, словно прочитав мысли, махнул призывно и сдвинул аккуратно крышку саркофага в сторону. Андрей даже не успел возразить – подхватил машинально. А может... он и не хотел возражать.

Ведь так можно рассмотреть это чудо поближе... И даже прикоснуться...

Иначе, как поверить в то, что всё это ему не снится.

Правда, дивная красавица скрывалась под слоем прозрачной жидкости. Но ведь Ширяев говорил, что Санька уже успел сунуть туда руки, и ничего с ним не случилось.

– Светится... Может, это радиация? Как думаешь? – боязливо поёжившись, шёпотом предположил Ваня.

Андрей только пожал плечами. Всё может быть. Эта див-

ная находка вполне может быть смертельно опасной. Но устоять он не мог.

Словно под гипнозом протянул руку, опустил в сияющую жидкость и осторожно провёл пальцем по тыльной стороне ладони девушки. Прохладная, гладкая, нежная. Но не ледяная, не противная. Прикасаться к ней было совсем не брезгливо, а на удивление приятно. Почему-то думать о ней как о покойнице, у Андрея не получалось.

– Эх, хороша девка! – вздохнул чуть слышно Ширяев.

– Красивая... – зачарованно ответил Андрей, не сводя с неё глаз.

– Ага, как царевна! – шёпотом продолжил Ванька и вздохнул ещё тяжелее. – Даже жалко, что мёртвая...

– С чего ты взял, что она мёртвая? – усмехнувшись, Андрей посмотрел на брата. – Может... она спит.

– Так ведь... не дышит... вроде... – нахмурился Ширяев.

– А ты проверь! – лукаво прищурился Беркутов.

– Как проверить?

– Ну, ты что, сказок в детстве не читал? – фыркнул Андрей, снова глядя на удивительное лицо красавицы. – Поцеловать надо!

– Беркут, ты больной! – скривился Ванька. – Труп я ещё не целовал!

– Сам ты труп! – насмешливо хмыкнул Беркутов. – Сдрейфил, Ванька, так и скажи! А я вот возьму и поцелую...

7 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

Андрей склонился над саркофагом, уперся руками в край, всматривался в дивные черты лица красавицы... Будто завожила его эта «спящая царевна», так и тянуло. Пожалуй, он бы действительно мог её поцеловать.

– Андрюха! Андрюха! Брось это! – паническим шёпотом запричитал Ширяев.

Беркутов ухмыльнулся, не отводя взгляда от девичьего лица.

– Уймись, Ванька! Неприлично целовать незнакомых девушек, да ещё и без их согласия. Я ведь даже имени её не знаю. Сперва познакомиться надо...

– С мёртвой? – казалось, ещё немного, и брат покрутит пальцем у виска.

– Да с чего вы все взяли, что она мёртвая? – раздражённо фыркнув, Андрей сунулся в сиявшую звёздным светом жидкость и легко приподнял нежную руку девушки. – Посмотри! Она гибкая, мягкая и даже не холодная. Где трупное окоченение? Больше похоже на очень крепкий сон. Может, эта жидкость как снотворное действует? Или...

Андрей вдруг резко отскочил на шаг, выпустив нежную ладонь красавицы.

– Ты чего? – вздрогнул Ванька.

– Чёрт! Ты видел?

– Что видел? – осипшим голосом уточнил Ширяев.

– Она пошевелилась, – Андрей перевёл ошалелый взгляд на брата. – Пальцем... только что... пошевелила.

– Всё, Беркут, больше я тебе никогда наливать не буду, – покачал головой Ванька.

– Ну и не надо! Я тебя не просил, сам вечно силком заливать готов. Я не такой уж пьяный. Она... Правда! Я видел. Точно видел!

– Вот что... пошли-ка отсюда! – Ванька призывно махнул рукой. – Пока тебе ещё что-нибудь не померещилось. Или пока сюда не припёрся кто-нибудь.

– погоди! – Андрей снова шагнул ближе, уже смелее опустил руку внутрь. – Две минуты, Ванька! Хочу ещё эту штуку глянуть...

В руках Беркутова оказалась та плоская чёрная коробочка, которую безуспешно пытался вскрыть Санёк. Андрей с интересом покрутил непонятный предмет. Со всех сторон одинаково гладкая, два огонька так и мерцают синхронно. Что за диковинка – непонятно. На улице раздался какой-то шум, словно что-то упало. Беркутов отвлёкся, от неожиданности дёрнулся и сам едва не выронил таинственную чёрную штучку.

Ширяев испуганно ахнул. Но Андрей ловким движением успел поймать заветную коробочку, и тут...

Очевидно, в попытке спасти эту ценность от падения, Беркутов нажал куда-то или что-то там встряхнул. Чёрный гля-

цевый корпус вдруг вспыхнул по периметру ядовито-зелёным светом, огоньки запульсировали в пять раз быстрее, а потом рядом с ними загорелось ещё две незаметные до этого лампочки.

– Беркут, ты что устроил? – перепуганное лицо Ваньки пошло красными пятнами.

Андрей ничего не ответил, смотрел ошеломлённо на сбесившуюся чёрную «загадку» в своих руках так, словно держал ядовитую гадину.

– Брось эту дрянь обратно и бежим! – Ванька уже готов был дать дёру.

А тут ещё с улицы отчётливо долетели громкие голоса – явно чужие, и гулкие шаги прогремели по деревянному крыльцу. Кто-то шёл сюда, в клуб!

Андрюха, бросая короткие тревожные взгляды на вход, безуспешно тыкал пальцами в чёрную коробочку, но она (зараза!) гаснуть не хотела.

Поддавшись панике брата, Беркутов наконец в сердцах швырнул проклятую штуковину обратно в саркофаг, развернулся, чтобы бежать к заветному тайному ходу...

И тут новый звук, похожий на всхлип, удержал его на месте. Беркутов медленно оглянулся на саркофаг и едва не всхлипнул сам.

Вцепившись обеими руками в стенки своего гроба, «мёртвая царевна» приподнялась над поверхностью серебристо-розово-голубых «вод» и, раскрыв нежные губы, судо-

рожно вздохнула.

– Живая! – ахнул Андрей.

Голос прозвучал неузнаваемо хрипло. От невообразимой смеси ужаса и восторга бросило в жар. Глазам невозможно поверить!

Он сам, пять минут назад убеждал брата, что девушка наверняка просто спит, но сейчас... Ведь это же в голове не укладывалось! Кем бы она ни была, это же просто невероятное чудо.

Беркутов, наверное, так бы и стоял окаменевшим истуканом, и хлопал глазами, не обращая внимания даже на приближающиеся голоса, но тут руки прекрасной девицы соскользнули, и очнувшаяся царевна внезапно снова ушла под «воду». На серебристой поверхности забулькали озорные пузырьки.

Так ведь и захлебнуться недолго!

Андрей метнулся к саркофагу, нырнул туда обеими руками и бережно приподнял голову девушки над поверхностью. Она так и не открыла глаз, не проснулась окончательно, но задышала спокойно и тихо.

Где-то далеко скрипнула дверь...

– Беркут, бежим! – простонал за его спиной брат. – Брось её! Линяем!

Да. Всё верно. Надо уходить. Быстро уходить.

Пока их тут не застучали. Пока не узнали, что это всё они натворили. И пока эта странная сказочная царевна не откры-

ла глаза и не увидела, кто её разбудил. Ванька тысячу раз прав!

Благоразумие Андрея уже стучало во все барабаны и дудело в медные трубы, прямо в ухо дудело. А он всё не решался отпустить её. Ещё мгновение, и всё, будет слишком поздно...

– Андрюха!

– Стой, Ванька! Так нельзя... – растерянно бросил Беркутов уже дёрнувшемуся к выходу Ширяеву. – Она же... живая...

– Да, живая, живая! Сам вижу... Что дальше? – закатил глаза брат.

– Нельзя её тут оставлять, – вдруг твёрдо и трезво процедил Беркут, и хмурая складочка пролегла меж бровей. – Нельзя им отдавать! Они же её... как ту лягушку... препарируют... Помнишь?

Конечно Ванька помнил! Ту лягушку вся школа запомнила. А, может, и вся деревня.

Однажды на уроке биологии, когда изучали строение земноводных, училка решила провести лабораторную работу. Неизвестно, откуда в их биологичке проснулись столь живо-дёрские наклонности, но на практическое занятие она пришла с трёхлитровой банкой, в которую было заключено с десяток активно прыгающих лягушат. Учительница решила показать, как устроена лягушка изнутри, так сказать, на практике.

Первую лягуху она вскрыла сама на глазах у всего класса. Остальных предложила препарировать ребятам, разбившись на небольшие группы для работы в командах.

Вот тут-то Андрюха и задал жару... Всегда спокойный и неконфликтный мальчик, хорошист и примерный ученик возмущенно вскочил со своего места и обвинил биологичку чуть ли не в фашизме.

Скандал разразился нешуточный. Крики были слышны по всей школе. Биологичка, побагровевшая от гнева, убежала жаловаться директору.

А Беркутов, не дожидаясь её возвращения, с мятежным кличем: «Свободу лягушатам!» схватил банку с «подопытными» и сбежал с урока. Бедных лягушек он отнёс на берег Ржавой и торжественно выпустил на волю.

А сам после этого на месяц свободу потерял.

В тот же день родителей Беркутова вызвали в школу, обоих. Обычно на собрания ходила мама. Дядя Вася успеваемостью пасынка не очень-то интересовался.

Отчим после этого происшествия выпорол Андрюху так, что тот ещё неделю в школе не появлялся. А про улицу и игры с друзьями Беркутову пришлось забыть на месяц.

Зато после этого вся школа единогласно признала Беркута настоящим героем и борцом за свободу обиженных и угнетённых, как и положено советскому человеку!

И вот теперь снова!

Судя по испуганному выражению Ванькиного лица, он

уже разглядел знакомый шальной блеск в глазах брата. И понял, что отговаривать Андрея бесполезно. Беркут не успокоится, пока не спасёт эту проклятую «царевну-лягушку». И на пути у него сейчас лучше не стоять...

Ничего больше не объясняя, Андрей склонился над саркофагом, подхватил изящное женское тело и выдернул из хрустального плена.

Прекрасная царевна безвольно повисла на его руках, но на силу Беркутов не жаловался – крепкий, плечистый и рослый, он держал её так, словно девушка вовсе ничего не весила. Сверкающие жемчужины капель срывались с её одежды и волос.

– Беркут, ты что задумал? – Ванька предпринял последнюю отчаянную попытку образумить брата. – Они же тебя в порошок сотрут...

– Всенепременно... Только сначала пусть поймают! Давай-ка, Вань, поторопимся, пока нас тут не застукали!

И, перехватив поудобнее свою хрупкую ношу, Андрей устремился к запасному выходу.

8 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

(Иван)

Лето 1970 г.

Ширяев бежал следом за братом, бежал очень быстро и порядком запыхался...

Но это не мешало ему, не теряя при этом скорость, мысленно проклинать всё и всех.

Особенно... себя.

Он ругал себя за всё: за глупую затею подработать на строительстве моста, за то, что не послушался Саньку и не пошёл обедать, а решил разрыть эту кучу, оставленную проклятыми «взрывниками», за мысль привезти находку в деревню – уж лучше бы их всех уволили, честное слово!

А больше всего Ванька готов был убить себя за то, что рассказал всю эту нелепую историю Беркуту, да ещё и наполнил, а потом согласился пойти вместе с ним в клуб. А если уж признаться честно, практически его к этому подтолкнул.

А ведь, зная брата, должен был понимать, чем всё это закончится.

Беркут же всю жизнь такой был – принципиальный героический дурак, мать его! Как говорится, не от мира сего. Если вспомнить все драки и стычки детства, Андрюха никогда не задибался сам, но вечно вписывался за всякую мелкоту и

изгоев, которых обижали пацаны постарше.

Робин Гуд хренов, защитник обездоленных и угнетённых!

Чёрт с ними с лягушками... Так он вечно и в более серьёзных вопросах на рожон лез. Не умеет Беркут закрывать глаза на несправедливость. Потому и работать в лес ушёл, где людей поменьше...

Не умеет он со своими, деревенскими, общий язык находить. Вечно молчаливый и смурной, как сыч. Оно и понятно, почему его недолюбливают... Потому что народ не терпит принципиальных. Потому что им, принципиальным, вечно больше всех надо! Потому что они ж не промолчат там, где надо заткнуться, не проглотят обиду, если что-то им поперёк горла.

И Андрюха вот такой! Весь в отца своего...

Ванька дядю Егора помнил плохо, но от отца своего много раз слышал, что Беркутов-старший тоже был из породы чистоплюев. За то и поплатился! Не лез бы, куда не следует, умел глаза вовремя закрывать на чужой беспредел, может, и был бы жив до сих пор.

А он со своими принципами доигрался... — оставил сына сиротой.

И Андрюха по отцовским стопам пошёл. И сейчас то, что он творит, может очень дорого стоить не только Беркутову, но и его неразумным приятелям.

«Мы же только посмотреть!»

Ага, посмотрели!

Как теперь ноги уносить? Куда бежать? Что делать?

Беркут тащил на руках эту спящую девицу, уверенно и легко, как пушинку, и даже дыхание почти не сбилось. А Ванька пыхтел, сам не знал от чего больше: от бега или от злости. Утащили они «царевну», а дальше что? Ведь всё равно найдут. От КГБ никуда не спрячешься.

Ванька припомнил тяжёлые гулкие шаги, разлетавшиеся эхом по клубу, когда они уже нырнули в узкий тёмный коридорчик за плакатом.

Заметить их не успели. Беркутов хоть с трудом, хоть боком, но шёл на выход очень быстро. Понимал, видно, чем чревато, если их сцапают за воровством «государственного имущества».

И пусть это «имущество» теперь уже дышит (едва заметно, но дышит), всё равно это что-то вродеклада... Стране принадлежит, а не двум деревенским дурням.

Ширяеву давненько уже не было так страшно. Даже хмель выветрился.

Выскочив на улицу, они захлопнули дверь в подсобку на замок, но если за ними будет погоня – вынесут эту дверь в два счёта, никого она не удержит. И найти их труда не составит. С царевны до сих пор льдистым серебром падают сверкающие капли. Иди по этим следам, иди, и рано или поздно похитителей нагонишь.

Шаги там, в клубе, Ванька расслышать успел чётко. И перед глазами отчего-то сразу всплыл жуткий образ кэгэбэш-

ника Страхова.

Хотя долетел до них топот ног явно не одного человека. Но отчего-то именно мысль об этом полковнике отозвалась неприятными мурашками по спине.

Такого вокруг пальца не обведёшь. Мигом догадается, кто это сделал.

Хотя, как он догадаться может? Чего бы ему заподозрить Ваньку?

От этих мыслей и вовсе бросило в дрожь, Ширяев вдруг представил, как его допрашивают, а потом упекают в тюрьму. Позорище какое! Как потом отцу с матерью в глаза смотреть? По всей деревне слава пойдёт – не отмоешься!

Андрюха вдруг обернулся, словно забрался к брату в голову, и сказал твёрдо, таким тоном, что Ширяев даже не пытался спорить:

– Ванька, ты домой иди! Ты со мной не поедешь. Ты здесь не был, ничего не видел, ничего не знаешь. Я всё сам... Слышишь? Всё сам. Вы с мужиками вообще ничего не знали. Я сам придумал её украсть. Понял?

– Чего тут непонятного... – почесал затылок Ваня. – А ты теперь куда? Что ты с ней делать будешь?

– Сам пока не знаю, – Андрей вздохнул, пожав плечами, бросил взгляд на узик в кустах. – И тебе это знать не надо. Меньше знаешь, крепче спишь! Давай, брат! Всё путём будет...

Беркут подмигнул, улыбнулся лихо и рванул в сторону бо-

ковую дверцу машины.

Ванька смотрел молча, как Андрей осторожно укладывает на сидение безмятежно спящую красавицу, как садится за руль, как заводит машину, как вскидывает на прощание руку...

Где-то внутри, в груди, скребло неприятно и совестно, что он вот так отпускает Беркута, бросает одного и даже остановить не пытается... стыдно было признаться самому себе, что струсил малодушно, что решил для себя – не встречать, дабы потом отвечать не пришлось.

А Беркут... Он всегда такой был... Ни черта не боялся!

«Вот пусть и выкручивается сам теперь, пусть выкручивается, как знает...»

Так думал Ваня Ширяев, глядя, как скрывается в облаке поднятой колесами пыли «буханка» Беркутова.

9 «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

(Иван)

Наше время

– Вот так-то, Илюха! Вот так... Проводил я тогда Андрюху... И больше брата не видел. И не только я. Никто его больше не видел.

Иван Петрович закусил хрустящим огурчиком и надолго замолчал, глядя в окно, на лениво сползающий с гор туман.

Юный гость терпеливо молчал, ждал, пока Ширяев сам продолжил свою историю.

– Давай-ка, Илюха, по чаю теперь! – Петрович словно отмер и наконец увидел парня перед собой. – У меня такой чаёк с шиповником и душицей!

– Спасибо, Иван Петрович, – благодарно улыбнулся Илья. – С шиповником я люблю. Баба Зоя такой тоже заваривает.

– Вот и молодец! Шипица да медок – и никакая простуда, или там грипп, не пристанет! Я за ним хожу вот туда, за речку, в распадок... И душицу тоже сам...

– Иван Петрович, вы простите, что перебиваю, – аккуратно встрял Илья, принимая большую пузатую кружку со сколом на краешке. – Это всё интересно, конечно, про чай, и травы... Но давайте сначала закончим историю про спящую царевну!

– Так... я уже закончил, – пожал плечами Петрович. – Всё. Что собственными глазами видел, то и рассказал. Как мы её отрыли, как сюда привезли, как военные набежали в наш колхоз. А всё остальное, что пишут да болтают – враньё. Смотрел я как-то по телевизору... Целую передачу про нашу царевну показывали. Дескать, один из военных спустя много лет проболтался – журналюге рассказал всю эту историю, а тот потом статью в журнале написал. И пошло-поехало... Сплетни всякие стали рассказывать – и что было, и чего не было.

– Да, да, – охотно поддержал Илья. – Я тоже эту статью находил. С неё идея у меня и родилась, захотел докопаться до истины.

Петрович махнул рукой.

– Ты больше им верь! Чуть ли не встала она тут из гроба при всём честном народе. Ещё говорили, что вертолёт её забрал вместе с саркофагом в какой-то научный институт в Новосибирск. И, дескать, гроб такой тяжёлый был, что с него решили жидкость ту странную слить, чтобы затащить внутрь, стало быть. А как тело на воздухе оказалось, так и почернела «царевна», как уголёк. Пришлось спешно обратно её составом этим заливать, и она прямо на глазах снова красавицей стала. Бабы наши над тем шибко смеялись. Кабы так было, так они б себе точно этой «живой воды» запасли, чтобы рожи умывать и до старости красотками ходить. Много всякого вздора болтали... – усмехаясь, припоминал Пет-

рович. — Дескать, учёный к нам приезжал, рассказывал, что им узнать удалось. Что баба эта в гробе — инопланетянка, а похоронена она сколько-то там миллионов лет... Это тоже враки. Никто ничего не объяснял и не рассказывал. Собрали всех в клубе, и полковник этот, из КГБ, всем очень ясно и чётко объяснил, что в нашей деревне не было никаких происшествий. А был на месте строительства выброс ядовитых природных газов, от которых у бригады случилась массовая галлюцинация. Хорошо, что без последствий обошлось, все теперь здоровы, вменяемы, и, если не хотят попасть в «закрытые лечебные учреждения», то лучше бы о всяких странностях никому постороннему не говорить.

Иван Петрович отодвинул чай и снова потянулся за «зелем», но в этот раз Илья ловко отставил свою рюмку на край стола.

— И, знаешь, так он ясно всё это изложил, что спорить и доказывать никому не захотелось. Кроме, Санька нашего... дурачка! Его до того только в шутку так звали, а опосля действительно на учёт в психушке поставили. И сразу желание языком трепать у всех пропало, Илюха! Сразу. До всей деревни мигом дошло, что люди серьёзные. Говорили ещё, что все, кто её откопал, померли вскорости в страшных мучениях. А я вот живой! И все живые, кто язык за зубами держать умел. Ну, то есть, были живые... Сейчас уже от старости померли. А Санёк так малость тогда разумом и повредился. Он и так не больно умный был. А после ещё и дёрганный стал,

нервный, всё оглядывался, прятался, всё ему чудилось, что кто-то за ним ходит, следит. Но это не из-за неё, не из-за царевны. Хотя наши и придумали, что это он жидкости с гроба нализался, той, кислой, от этого и с ума сошёл. Но я-то знаю, как дело было. Напугали его тогда сильно... Эти, черти, кэгэбэшники, напугали... С меня-то всё как с гуся вода, а его, беднягу, прижали, он и обделался, и всё выложил.

– Что выложил? – распахнул свои огромные глаза Илья – или это у него за очками такие глаза по пятаку?

– Всё, – вздохнул Петрович. – Сдал Андриюху, заячья душа! Я хоть и сам тогда струхнул порядком, но держался. Поглядел, как машина Беркута старой дорогой к лесу ползёт. Этой грунтовкой никто у нас особо не пользовался, разбитая вся, как будто бомбили её. Потому там и военных не было. Так Беркут из лесу в деревню проехал, так и обратно решил тикать. Вышло у него или нет, не знаю, видел только, как он в туман нырнул. Там, в низине у Ржавой, вечно туман. А я быстренько огородами, огородами, и домой. Тут меня уже Вовка с Санькой ждали. Они как увидели, что начальство к клубу идёт, сразу дали дёру. Ну, сделали вид, что солдатиков спасают – чтоб тем за пьянку не влетело. А Вовка ещё упал и загремел нарочно – думал, мы услышим и сбежим. Вот значит, сидят, меня ждут, пьют снова, понятное дело. После всего этого как не напиться? И я с ними тоже. Не успели мы во всех красках успехами похвастать – как мы царевну спёрли, как они караул отвлекали, слышим, идёт по двору кто-то. И

как думаешь, кого принесло?

– Кого? – затаив дыхание, чуть слышно произнёс Илья.

– Кого! Страхов этот явился, – хмыкнул Иван Петрович.
– Ох, жуткий чёрт! За ним военных с десятков. Но он им велел на крыльце ждать. А к нам вроде сначала так ласково... Дескать, что мужики отмечаем, хорошо ли сидим? Но я в эту любезность не поверил. Глаза-то – как дуло нагана, честное слово! А потом в лоб и спрашивает – что у клуба делали, зачем солдат спаивали? Мы сперва отшучивались... Дескать, гостеприимство, и всё такое... Вот тогда он и рявкнул, мол, встали и пошли на серьёзный разговор! Шутки ему шутить некогда. Мы и пошли. Понятно ж было, сами не пойдём – заставят. Привели нас в контору, развели по разным кабинетам, чтобы друг друга не слышали и не видели...

Петрович снова налил, выпил, крикнул в кулак. Помолчал.

– Долго нас тогда тиранили. За окном уже стемнело, хоть глаз выколи. Не били, не пытали, ничего такого не было. Многие думают, что КГБ это вот так сразу – изуверства разные. Нет, Илья, не было такого. Но я по сей день этот вопрос помню. И этого полковника проклятого помню. С тех пор он мне много раз в самых жутких снах снился. Страхов. Владимир. Абрамович. Сука такая! Я думал, все пойдём под суд, или того хуже. Потом он ушёл. Я один остался в кабинете. А потом я услышал, как Санька рыдает за стенкой. Натурально рыдает. Не знаю, чем его так напугал этот гад. Когда нас

отпустили, Санька нормальный был – в смысле, ни крови, ни синяков. Говорил, что его не трогали. Но напугать смогли. Так смогли, что он рассказал, что Беркут к нам заходил, узнал про царевну, решил посмотреть, заодно и украл. Вот после этого разговора у Саньки совсем крыша поехала, потом его ещё в город в больничку свозили, и выдали «справку» на всю жизнь.

Илья вздохнул тяжело, сочувственно.

Петрович поддержал не менее тяжким вздохом.

– Я думал, раз Санька про Андрюху сказал, нам всем как-то. Мы же ему помогали, вроде бы. А нас, как ни странно, отпустили по домам. И больше не трогали. Расписку только подписали, что молчать будем. Или, если что – сразу срок. Пожизненно. За разглашение государственной тайны. Не знаю, посадили бы на самом деле или пугали только... Но проверять желания не было. Вот и всё. Меня ещё спросили, куда Андрюха поехал. Этот их главный и спросил. А я же не знал. И он мне, как ни странно, поверил. Возиться с нами больше не стали. Нас домой выпнули, а Страхов со своей сворой вдогонку за Беркутом рванул.

– Неужели это конец истории? – изумлённо воскликнул Илья.

– Конец, Илюха, конец, – кивнул Петрович. – С тех пор, народ боялся рты лишней раз раскрыть. Все молчали. Так нас напугали, что даже когда уже в девяностые всплыла вся эта история, никто так и не отважился правду рассказать. Все

врали, что не было ничего. А оно было, было... Гроб увез на следующий день вертолёт. Военные ещё несколько дней по Ржанке шастали, потом исчезли. А по тайге ещё долго шарахались, наверное, с месяц. Андрюху, видимо, ловили. В розыск его объявляли. Всесоюзный. Но, вроде как, не нашли. Так, по крайней мере, нам сказали. А что там дальше с ним случилось на самом деле, про то только сам Беркут знал...

1 «СЫН ТАЙГИ»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«СЫН ТАЙГИ»

*Время эти понятия не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт —
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.*
В.С. Высоцкий

(Андрей)

Лето 1970 г.

Говорят, дома и стены помогают...

Но Андрей стремился убраться из Ржанки побыстрее.

Его домом был лес. Тайга. Вот тайга действительно поможет, укроет, спрячет, защитит.

Многие боятся леса, даже местные, деревенские, боятся. А городские и подавно. Таких Беркуту тоже часто видеть доводилось. Охотники, туристы, любители грибов да ягод. Говорят, что любят природу, а в самих только жадность и страх. Ничего они про лес не знают, не понимают.

Но он-то знал, что лес друг всякому, кто чтит его законы. Могущественный, сильный, надёжный друг. Да, с ним надо

осторожно и уважительно, потому как велика силушка, иногда может и покалечить нечаянно. Но это не от злобы леса, а исключительно от людской глупости. Не соблюдаешь правила, лезешь на рожон – тогда сам виноват.

Андрей умел вести себя в лесу правильно, с почтением и осторожностью, и беды всегда его стороной обходили.

А вот стоило выбраться к людям, и только глянь, в какой переплёт угодил!

Никакого плана у него не было. Андрей понимал, как это глупо, неосмотрительно. Пытаться обхитрить военных и КГБ, не представляя, что делать дальше – да, это непростибельное безрассудство. И шансов у него почти нет...

Но выбора просто не осталось. На то, чтобы измышлять план, хоть какой-то, необязательно такой уж хитрый и продуманный, просто не хватило времени.

Вот и действовал исключительно по наитию. Понял, почувствовал, что надо вот так. Нельзя эту «девочку-снегурочку» там оставить! Беда будет.

А это не дело – бросать в беде девушку. Особенно, настолько беспомощную девушку.

И настолько красивую...

Андрей бросил короткий взгляд назад. Так и спит... Ладно, оно и к лучшему. Пусть пока спит.

Сквозь плотную ткань его куртки тускло светилась волшебная чёрная коробочка, которую Беркут положил во внутренний карман на груди. Тоже так и не выключилась...

Вот это нервирует! Но так-то, если разобраться, она тоже ведёт себя спокойно, как и царевна – не жужжит, не тарыхтит, не жжёт.

А значит, что делать со странным предметом и его хозяйкой, он придумает после, когда окажутся отсюда подальше. Сейчас бы успеть выбраться на окраину, пока военные не перекрыли последний путь из Ржанки. Дорога вела к кордону лесников. Пользовался ей практически один Беркутов – у него ведь уазик был. А так... только пешком. Проехать тут мало кому удавалось. Возможно, поэтому и не выставили здесь заслон из военных.

Андрей поднажал на газ – каждая секунда сейчас дорога. Сердце стучало так, что пульс в висках тикал. Странная пугающая уверенность, что пропажу наверняка уже обнаружили, выводила из себя.

Ничего, совсем немного, совсем немного...

Дорога впереди исчезала в плотной завесе тумана. Сейчас ему на руку эта белёсая тяжёлая вата, скатывающаяся по склонам вниз, к подножью. Туман спрячет на время от посторонних глаз.

На одной из улиц, вдалеке, мелькнул военный грузовик... Это плохо. Это очень плохо! Неужели погоня?

Андрей выжал из своей «буханки» всё, что только мог. Машина подпрыгивала на разбитой дороге, грохотала, как железнодорожный состав. Беркутов обеими руками вцепился в руль, но время от времени швыряло так, что бился ма-

кушкой о потолок салона.

Последний рывок...

Уазик нырнул в «белое молоко», скрываясь от возможной погони. Теперь уже Андрей не мог видеть, преследует ли кто-то беглеца.

Мир вокруг словно исчез. Дорогу можно было рассмотреть лишь в паре метров впереди.

Но это Беркутова не пугало. Здесь уже почти своя территория. Как говорится, всё знакомо: каждый кустик, каждая колдобина, каждый поворот.

Останавливаться нельзя. В любую минуту по его следу могли отправиться те, кого Беркут видеть не желал. Надо успеть уехать подальше, замести следы, запутать...

Пора бы уже начинать думать, что делать дальше с этой его бесценной «добычей»...

Но придумать что-то дельное Беркутов не успел.

Краем глаза он успел заметить мелькнувшую сзади белую тень...

И узкие ледяные ладони обхватили его голову, с силой прижавшись к вискам и лбу.

Андрей от неожиданности заорал так, как никогда в жизни. От ужаса его прошиб холодный пот.

Эхом дикому воплю Беркутова зазвенел над ухом пронзительный женский визг.

Беркут попытался вывернуться из ужасающего цепкого захвата. Больно или неприятно ему не было, но эти чужие

пальцы на его коже дико пугали, будто пытались забраться внутрь, в мозг.

Ещё бы глаза ему закрыла, дура!

Он хотел сбросить эти холодные руки, хотел оглянуться... На один короткий миг Беркутов запаниковал, отвлёкся, потерял бдительность, и...

Подпрыгнув на очередной кочке, «буханка» наскочила на валявшееся на обочине бревно. Страшно бахнуло об дно. Скрежет, грохот и лязг слились в единую жуткую какофонию звуков, так что собственный вопль Беркут уже не слышал. Или же он просто успел потерять сознание раньше, чем машина нырнула в туман и покатилась под откос.

2 «СЫН ТАЙГИ»

Стоило чуть приоткрыть веки, и тусклый вечерний свет ударил по глазам так, что Андрей застонал и снова зажмурился. Виски и лоб ломило невыносимо, в ушах звенело.

Вот так ощущения! Если он ещё не умер, то, кажется, как раз собирался...

Однако жестокой памяти не было дела до его полуживого состояния, и злодейка безжалостно подбросила Беркутову целую охапку разноцветных воспоминаний о том, как он оказался здесь, и что этому предшествовало.

Гроб. Царевна. Военные. Бегство. Руки. Авария...

Андрей распахнул глаза мгновенно, уже не обращая внимания на боль и слабость, хотел приподняться, но замер на месте, опасаясь шевельнуться. Так он обычно делал, наткнувшись на змею в траве, замирал и ждал, пока уползёт. Только вот сейчас это было бесполезное ожидание.

Над ним склонилась *ОНА*. Безупречное волшебное лицо было так близко, длинные косы касались его груди.

И этот взгляд – глаза в глаза! Андрей утонул в бездонных светло-голубых омутах, таких огромных, льдисто-чистых, невероятных. Такие глаза могли быть лишь у доброй сказочной царевны.

Вот только её жуткую ледяную хватку он тоже вспомнил отчётливо. И сейчас, когда она внезапно протянула ладонь,

дёрнулся в панике, заёрзал, отползая на пару шагов по мокрой траве, выставил предостерегающе руку.

И для верности ещё рявкнул:

– Не смей меня трогать!

Она уже не пыталась. Девушка отпрянула, нахмурила тонкие брови, взгляд невероятных небесных глаз стал растерянно-виноватым.

Она облизнула губы и произнесла очень тихо, с запинкой, всего лишь одно слово. К счастью, это было русское слово.

– Простить...

– Что? – уставился на неё Андрей – нет, он понял, слышал, но после аварии и всего прочего мыслить здраво и понимать, что происходит, получалось с большим трудом.

Девушка нахмурилась ещё больше, закусив губу, тряхнула головой, словно сердилась.

– Про-сти! – по слогам выдала она.

И вдруг улыбнулась радостно, светло. Кажется, она осталась довольна собой.

– Не хотела... пу-гать...

– Ничего я не испугался! – фыркнул уязвлённый Беркут, отметив, что говорит она очень странно, словно у неё какие-то проблемы с дикцией. – Просто я за рулём, а ты хватаешь. И вообще, что за такое? Разве можно незнакомых людей так вот руками...

– Нельзя? – удивлённо изогнула она бровь.

Андрей умолк на полуслове, не понимая – издевается, или

как. Но лицо девушки оставалось столь бесхитростным и изумлённым, что он почти поверил в её искренность.

– Прости! – повторила она, тяжело вздохнув. – Мне надо было. Понять. Твой опыт... Нужен был твой опыт.

Теперь уже Андрей на неё таращился удивлённо, отмечая машинально, что с каждым словом речь её становится всё более плавной, привычной, понятной.

– Не знаю, где я. Не знаю твоё время. Не знаю язык, – девушка развела руками. – Я слушала так твою память. Не хотела делать плохо. Училась. Слышишь, теперь говорю, как ты...

– А ты... русский не знаешь? – Беркутов настороженно разглядывал эту удивительную красавицу – кто её поймёт, может, шпионка какая-нибудь.

– Русский? А... твой язык. Нет, – она снова тряхнула головой, сосредоточенно подбирая слова. – Очень похоже. Говорим с тобой – очень похоже. Но много непонятных слов. Много странных вещей. Время. Много времени прошло. Мир стал другой. Я спала очень долго. Теперь нужно учиться снова. Немного времени... Час. Да, так говорите, час. Через час разум усвоит, что успела посмотреть в твоей памяти. Но мне нужно будет ещё...

Она потянулась к нему навстречу.

– Э, нет! – Андрей снова выставил раскрытые ладони вперёд, словно отгораживаясь. – Не надо мне в голову лезть!

Она покорно отдернула руку. Посмотрела исподлобья.

– У тебя кровь... Ударился. Я хотела помочь...

Беркутов только теперь вспомнил про машину и падение. Огляделся и заметил покорёженный узик ниже по склону. Лобового стекла не было. Похоже, так они и вылетели на улицу. Весь кузов измят. Хорошо, что машина крепкая, но всё равно сомнительно, что отремонтировать смогут.

Кажется, кому-то сегодня несказанно повезло. Если бы они скатились в «буханке» в самый низ, скорее всего, убились бы насмерть, или уж точно покалечились серьёзно. А так, кажется, руки-ноги целы.

Только вот голова действительно жутко болит. Левый висок защекотало неприятно. Беркутов коснулся его, потом провел рукой по щеке... Чёрт, в самом деле, кровь...

– Я могу помочь, – она не спускала с него своих больших озёрно-небесных глаз. – Ничего плохого. Просто остановить кровь. Я не трону твою память. Можно?

Беркут напрягся всем телом, готовый в любой момент оттолкнуть эту странную девицу. Да она и сама приблизилась так настороженно, словно с опаской. Тёплая ладонь коснулась его волос почти невесомо.

Тёплая? Андрей едва удержал изумлённый возглас. Действительно, сейчас её руки уже не казались такими стылыми. Вполне обычная человеческая ладонь.

Девушка прикрыла глаза и вдруг затянула нечто похожее на песню – тонко, протяжно, звонко. Голос дрожал и звенел. Андрею показалось, что этот звук отозвался во всём его теле,

прокатился по венам, пробежал мурашками по коже.

В том месте, где она касалась его кончиками пальцев, стало горячо. Но это было такое приятное уютное тепло – как прикасаться к нагретому боку печки, или греть руки над костром в ночи.

Боль в голове утихла как по волшебству, и капельки крови перестали скатываться по щеке.

Звонкая «песнь» оборвалась, девушка открыла глаза. И Андрей судорожно вздохнул, в очередной раз утонув в этих прозрачных омутах.

– Спасибо!

– Надо было помочь. Как иначе? Тебе больно – я помогаю, – пожалала она плечами смущённо. – И я ведь виновата. Упали из-за меня. Я не хотела. Сама испугалась. Открыла глаза. Всё чужое, странное...

Андрей промолчал. Сейчас он на неё уже не злился, только на себя. В самом деле, надо было понимать...

Человек иной раз спросонок даже дома может чего-нибудь напугаться. А уж на её месте... Она имела право на страх, на крик, а Беркут – нет. Запаниковал и едва обоих не угробил.

На мгновение она замолкла, потом решительно продолжила:

– Мой мироключ, он ведь у тебя. Отдашь?

– Твой... что? – нахмурился Андрей.

Она молча указала пальцем на его светящийся карман.

Беркутов сунул руку за пазуху, но вытащить странную корбочку не спешил.

– Сперва расскажи, зачем он тебе...

– У вас нет мироключей? – удивилась она.

– Если бы были, я бы не спрашивал... – хмыкнул Беркут, снова пробежался взглядом по её совершенному лицу. – Но сначала ответь на самый главный вопрос! Кто ты такая?

– Делия, – она приложила руку к груди, там, где сердце, и чуть склонила голову. – Делия, дочь Ратмира, царя Белогорья и Заряны из земли Тары.

– Значит... всё-таки царевна, – усмехнулся Андрей, покачивая головой.

Дошутились!

Может, он спит? Разве такое могло на самом деле с ним приключиться?

– Наверное... моего отца уже не помнят в Белогорье...

Беркут не рассмеялся, не покрутил пальцем у виска, только вздохнул тяжело, поражаясь собственной выдержке.

– А Белогорье это где?

– Здесь, – чуть удивлённо ответила Делия. – Кажется... Пока не могу сказать точно. Но я должна была остаться в родной земле. Разве это не Белогорье? Мой отец правил этой землей, мы соседствовали с Беловодьем, землями Тары и Тарха, и...

Андрей вздохнул ещё раз.

– Боюсь, здесь не только твоего отца не помнят... Ни одно из этих названий я тоже не слышал. Разве что Саяны старики иногда Белогорьем называют, но это потому что снег на некоторых вершинах и летом не тает.

– И раньше так было! – радостно закивала она, оглядела затянутый туманом лес, улыбнулась. – Лес тут такой родной. Раньше, правда, было теплее...

Да, в августе в горах уже зябко. Андрей вдруг озадаченно понял, что её платице и мягкая обувь совершенно не годятся для путешествий по лесу. У него в машине что-то из вещей есть, и продукты. Надо забрать рюкзак перед тем, как они пойдут дальше.

А куда они, собственно, пойдут?

– А ты? – отвлекла его от размышлений царевна Белогорья.

– Андрей я.

– Андрей, – повторила она и улыбнулась так мечтательно и ярко, что у него сердце пропустило пару ударов. – У нас есть похожее имя – Анжей.

– Анжей – это уже как-то по-польски, а не по-русски, – проворчал Беркутов, отгоняя наваждение.

– Анжей, – с улыбкой поправила она. – Не очень твои слова поняла... Вижу – не нравится. Я буду говорить так, как ты привык, Андрей...

Нет, она произносила его имя не так, как он привык. От звуков, слетавших с её губ, хотелось улыбаться глупо, хоте-

лось зажмурить глаза, словно греешься в лучах летнего солнышка.

Что это ещё за фокусы? Гипноз? Почему он так реагирует? Почему в ответ так и хочется шепнуть вслух, попробовать на вкус её необычное, но такое красивое имя? Делия...

– Ты воин?

– Что? – её новый вопрос вернул из грёз на грешную землю. – Нет. С чего ты взяла?

– У тебя глаза серебряные.

Он нахмурился.

– Э... И?

– Серые глаза. Даариец. Все даарийцы – воины, – Делия пожалала плечами так, словно рассказывала всем известные истины. – Но я не видела в твоей памяти сражений... Не понимаю. Вот и спрашиваю.

Андрею захотелось обхватить голову руками. Нет, она уже не болела. Просто хотела взорваться.

Тонкие брови Делии сдвинулись к переносице. Лицо у неё было не только изумительно красивое, но ещё и очень живое, эмоциональное – все мысли сразу отражались в мимике.

– Понятно, – обречённо вздохнула она. – Про Даарию ты тоже ничего не знаешь. Даарийцы – великий род, первопредки. Мой отец из даарийцев. Был. Они самые лучшие воины.

– Я... скорее... охотник, – попытался подобрать понятное слово Беркутов. – Но и лес я охраняю. Егерь это у нас называется. Так что... с оружием дружу. Против людей его обра-

щать мне не доводилось, но... защитить смогу, если будет нужно.

– Ты лучше мне мироключ верни! – она настойчиво протянула руку.

Сейчас она не улыбалась, лицо серьёзное и такое... словно она отдаёт приказ. Ну-ну, царица же!

– Сначала скажи, зачем тебе эта штука! – не уступил Андрей. – Это какое-то оружие? Он может причинить вред?

– Только не тебе, – улыбнулась она загадочно, помолчав несколько секунд, словно размышляя, что ответить. – Это ведь ты меня разбудил?

– Э... не знаю, если честно...

– Ключ в твоих руках сработал? – продолжала улыбаться она.

– Ну... да... – неохотно признал Андрей. – Я только посмотреть хотел, а он вдруг засветился...

– Он тебя прочитал, – улыбнулась Делия. – Понял, что ты мне не враг. И дал мне знак, что можно просыпаться. Мироключ... Ключ к миру. Это связь, связь со всем вокруг. Хранитель знаний. Помогает учиться, помнить, узнавать новое. Много всего. Я сейчас как маленький ребёнок. Нужно всё постигать сызнова. Мне не обойтись без мироключа.

Андрей вытащил коробочку из кармана и отдал хозяйке. Опасался, что сделал глупость. Но, в конце концов, это ведь её вещь, он её себе нечестно присвоил, и всё равно не знал, что с этим самым ключом делать.

Делия пробежалась пальцами по блестящей поверхности, и сияние угасло, только лампочки продолжали мерцать. А потом она приложила этот чёрный квадратик к правому боку, и мироключ словно магнитом притянуло к девушке. Вот так... Никакие карманы не нужны или сумки.

– Как ты это сделала? Ты... вообще... человек или кто?

– Человек, конечно, человек, – рассмеялась она неожиданно, глядя на ошеломлённого Андрея. – Это же мой ключ, мы с ним как одно целое. Он меня столько времени берег, жизнь поддерживал.

– А как ты, кстати, в этот гроб попала? – не сдержал любопытства Беркутов. – Кто тебя в него упрятал? Они думали, что ты мёртвая?

– Гроб? – испуганно распахнулись огромные глаза Делии. – Мёртвая?

– Да... Мы тебя в стеклянном ящике нашли, ты не дышала... Все думали, что ты мёртвая.

– Это не гроб, а ларец, – надула губки царевна. – Ларец сна. А я живая. Там специальный раствор, погружает в глубокий сон, можно тысячелетиями спать – с телом ничего не случится... Такое для тебя тоже в диковинку?

Андрей молча развёл руками.

– Да, будет сложнее, чем я думала, – в первый раз во взгляде Делии мелькнуло что-то похожее на печаль и отчаяние.

– Ты так и не сказала, зачем тебя усыпили... – напомнил Андрей.

Она вскинула на него свои невозможно-пронзительные глаза и запнулась на полуслове.

Что-то вдруг изменилось, словно эта милая сказочная красавица вдруг закрылась от него, спряталась, ошетибилась.

«Смешно! Давно ли ты, Беркут, такой чувствительный стал?»

Но он был уверен, что не ошибся.

Её хорошенькое личико мучительно дрогнуло:

– Я не могу сказать тебе. Прости!

– Не доверяешь... – хмыкнул Андрей. – Понимаю. Правильно.

Он отвернулся, собираясь подняться на ноги. Сколько можно расслаиваться?

А она вдруг схватила его за руку, порывисто, испуганно:

– Доверяю. Я доверяю. Просто не проси меня рассказать! Не моя тайна. Не могу рисковать.

Тёплые пальцы на его запястье порождали почти непреодолимое желание накрыть их своей ладонью, а ещё лучше обнять её, притянуть к себе и сказать, глядя в глаза: «Верь! И ничего не бойся! Я тебя в обиду не дам».

Только для этого ведь и самому доверять надо. А пока у него в голове слишком много сомнений и вопросов, чтобы говорить о доверии.

Но вопросы можно задать и после, а сейчас пора бы вспомнить, что их могут искать военные.

– Надо уходить отсюда! – глухо обронил Беркутов и, поднявшись, протянул Делии руку.

3 «СЫН ТАЙГИ»

Девушка без возражений поднялась. Андрей невольно скользнул взглядом по её стройной фигуре. Высокая, изящная...

Но сейчас мысли были о другом, хотя, конечно, не замечать её красоту невозможно.

– Ты сама-то цела, Делия? Не ударилась?

Она покачала головой и снова улыбнулась.

– Ну и хорошо, – удовлетворённо кивнул Беркутов. – А то... идти придётся быстро... И далеко.

Андрей стал аккуратно спускаться к разбитому уазу.

– А куда мы? – поинтересовалась она, но следом всё-таки пошла.

– Для начала, к моей машине, вещи заберём, – Беркутов обернулся. – Смотри, осторожнее, шагай бочком, на корни не наступай! Туман, они скользкие... Упасть можно.

– Я умею по лесу ходить, – усмехнулась она, но взгляд потеплел благодарно. – Ты не бойся так за меня, Андрей! Я хоть и царская дочь, но жизнь видела, не в тереме сидела.

– Хорошо, – хмыкнул он. – Как скажешь, Делия! А... тебя можно так называть? Или... как к царевнам обращаются? Может, как-то по-особенному положено?

Она рассмеялась звонко.

– Ты будешь со всеми почестями каждый раз ко мне об-

ращаться? Язык не устанет? Андрей, мы же не в тереме отцовском, не в горнице светлой, а в лесу. А в лесу все равны. Это дом богов. Тут их почитать надо...

– Дом богов? – удивлённо фыркнул Беркутов. – У нас в богов не верят.

– Как это не верят? – она даже приостановилась.

Андрей обернулся, пожал плечами:

– У нас в партию верят, в светлое будущее, в коммунизм...

А боги – это пережитки прошлого.

Делия снова нахмурила брови, наверное, не понимая, о чём он, и вдруг насмешливо выдала:

– Странные вы... Можно верить или не верить, но боги от этого никуда не исчезнут. Только посмеются над вами, глупыми...

– Ладно, про богов потом поговорим, по пути, – отмахнулся Беркутов, – а пока нам надо поскорее отсюда уносить ноги. Если ты к своим богам раньше времени попасть не хочешь. Здесь нас с дороги очень хорошо видно. Да и следы от машины наверху остались. Если тебя будут искать, то обнаружить нас сейчас проще простого.

– А кто меня будет искать? – она вновь остановилась на мгновение. – Меня же тут никто не знает.

Андрей взъерошил волосы пятерней и, ничего не ответив, полез в машину.

Вытащил большой рюкзак, принялся расшнуровывать и изучать его содержимое, тянул время, подбирая слова.

– Понимаешь, Делия... Тут такое дело... Я тебя... как бы... украл...

Ответом ему была тишина, и Беркутов отважился посмотреть на царевну. Её большие глаза стали просто огромными.

– Увёз я тебя, без разрешения, – он виновато пожал плечами и осторожно продолжил, стараясь говорить понятно для неё. – Только не бойся! Я ничего плохого не хотел тебе сделать. Но теперь тебя наверняка будут искать. Военные... Ну, воины... Они тебя учёным сдадут. Как это... колдуны, наверное, по-вашему, или... жрецы...

– Постой... А может быть, мне к ним и надо... – задумчиво обронила Делия. – Вдруг они мне помогут.

– К ним тебе точно не надо! – сердито фыркнул Андрей. – Поверь! Не знаешь ты наших...

– Но и ты ведь не знаешь! Не знаешь, зачем я здесь, и какая мне нужна помощь!

Несколько бесконечно долгих секунд они смотрели в глаза друг другу. Во взгляде её промелькнули искорки гнева.

– А ты мне расскажи, – спокойно продолжил Беркутов, оставив в покое рюкзак и выпрямившись во весь свой немаленький рост, – и я постараюсь помочь. А насчёт военных... Ты мне просто поверь! На слово. Дель, я лучше знаю. Пове́зёт ещё, если запрут где-нибудь и изучать будут, как диковинную зверушку. А если решат, что ты чем-то опасна, могут и убить... Ты... слишком... странная... Не похожа на других. У нас такое... не прощают...

Тонкие брови нахмурились, губы побледнели, потемнел лазоревый взгляд. Андрею показалось, что она вздрогнула.

Он уже пожалел о своих словах, добавил чуть мягче:

– Делия, я помогу. Я тебя одну не брошу. Просто поверь! Надо уходить отсюда. А по дороге я тебе на все вопросы отвечу. Но и сам спрошу. Мне ведь тоже любопытно, откуда ты такая взялась... Ну? Пойдешь со мной?

Она кивнула с грустной улыбкой.

– Вот и отлично... Платье твоё, конечно, не для леса. Куртка у меня ещё одна есть в машине, сейчас достану. А вот как со штанами быть...

– А что с платьем? – удивилась она, оглядывая себя.

– Как что? Замерзнешь, порвешь, комары кусают...

– Ты комаров боишься? – рассмеялась она.

– Ну, знаешь ли... тайга, – он тоже не сдержался, подхватил её смех. – У нас тут комары размером с медведя! За минуту одни косточки останутся.

– За платье не переживай! – хитро улыбнулась она. – Оно не рвётся, не пачкается, не промокает под дождём. Пожалуй, намокнет, только если я в нём в речку нырну. В нём в любую погоду тепло и удобно. Ноги, может, и поцарапаю об ветки, но это не страшно. Переживу как-нибудь. И комары меня не кусают. Я знаю, как с ними договориться. И тебя больше не будут. Я за тебя попрошу. Попрошу богов. В которых ты не веришь.

– Что ты там отстала? Всё в порядке?

Андрей обернулся, спиной уловив, что его спутница приостановилась.

Они шли по лесу около часа. Беркутов сначала поминутно оглядывался, подстраховывал, объяснял, чтобы ступала след в след, указывал, где камни лежат шатко, где грязь или яма под листвой.

Но вскоре с приятным удовлетворением и даже некоторой гордостью (пусть в этом и не было его заслуги) признал, что Делия действительно умеет ходить по лесу и горам. Она шла легко и быстро, выдерживала его темп привычного к походной жизни человека.

Беркут, правда, тащил рюкзак с тем, что удалось забрать из машины. А он довольно тяжелый получился, и это слегка поубавило прыть Андрея. Но что тут поделаешь – бросать что-то нужное в уазике не хотелось, сгрузить же часть своей ноши на Делию ему даже в голову не приходило. Она же девушка, и гостья, и ещё... царевна!

О последнем Андрей всерьёз думать себе пока не позволял. Будет привал, вот тогда и поговорят, и вопросы он свои задаст, а пока нужно поскорее уйти на безопасное расстояние.

Слишком всё это было странно и невероятно – в голове не помещалось. Он бы в жизни в такое не поверил, если бы собственными глазами ни видел, как эта красавица в кружевном платье, что так ловко перескочила сейчас через встречный

ручеек, ещё совсем недавно лежала аки труп в стеклянном ящике. Она пока поведала слишком мало, но и этого было достаточно, чтобы понять — её рассказ никак не сходился с тем, что Андрей помнил со школы из уроков истории и географии.

И можно было бы уличить красавицу в обмане или помешательстве... Но тогда и себя надо сумасшедшим признать. Ведь он тоже видел гроб, и чудесное пробуждение, странную чёрную коробочку по имени «мироключ», слышал волшебную песнь, останавливающую кровь.

И вообще Делия не выглядела ненормальной, наоборот, слишком рассудительной, серьёзной и... царственной. Даже в том, как она шагала по лесной тропинке, было что-то величественное.

Несмотря на все заверения, что её платье-паутинка согреет даже в мороз, Андрей отдал новой знакомой свою куртку, которая, разумеется, была Делии не по размеру. Но она даже эту бесформенную и бесцветную штормовку несла на своих плечах как царскую мантию.

Словом, Андрей всё больше склонялся к тому, чтобы заранее поверить в любые, даже самые невероятные рассказы.

Любопытство его так и распирало! Что ещё она расскажет? Что она про него самого говорить начала? Какие-то предки-воины...

Мужчины из их семьи, как и большинство советских людей, на фронте были. И Егор, отец Андрея, даже смог вер-

нуться.

Кто бы мог подумать, что того, кто обманул войну, убьёт жизнь мирная...

Нет, вот отца сейчас точно не стоит вспоминать! Не о том твои мысли сейчас должны быть, Беркут, не о том!

Да, в каждом послевоенном ребёнке эхо войны греметь продолжало, хоть и не дошла проклятая до Сибири, хоть и не видели они своими глазами ни танков, ни бомбёжек, ни фрицев. Наверное, в душе Андрей действительно был настоящим бойцом, воином...

Да точно был!

Но Делия пыталась рассказать что-то другое.

Как же хочется расспросить скорее, но тропка слишком узкая, рядом не пойдёшь, а «в спину» разговаривать тоже как-то не по-людски.

Ему и самому объясняться придётся: рассказывать, как пришёл пьяный в клуб и решил украсть.

Вот смех-то! Позорище! Что она про него подумает?

Однако, если бы не пришёл и не увёз, Делия угодила бы к каким-нибудь профессорам для изучения. А как можно живого человека изучать? Это неправильно. Все люди равны и свободны. Даже спящие царевны.

Интересно, её уже ищут?

Искать будут точно. Вопрос, узнают ли, кто её увез, и как скоро узнают.

Ванька сказал, полковник КГБ его допрашивал. А КГБ это

серьёзно. Такого человека одурачить вряд ли удастся. На это Андрей даже не надеялся, а вот в то, что лес, который он знает с детства, будет на его стороне – поможет, укроет и защитит – вот в это он свято верил.

Страхов точно вычислит, что во всём виноват Беркут. Но есть надежда, что это случится хотя бы не сегодня. И тогда солдат отправят на кордон в его зимовье. Значит, туда Делию вести нельзя. Вернее, можно, но оттуда надо будет срочно уходить дальше.

Зато даже кэгэбэшник не сможет вызнать в деревне, где ещё у Андрея есть в лесу свои тайные «берлоги».

Зимовий по лесу много. Беркутов знает их все. Как правило, охотники оставляют в таких временных пристанищах запас еды, сухих дров, спички, лекарства, иногда из одежды что-то. Каждый, кто ночует, делает свой маленький вклад. Мало ли с какой бедой, и в какую погоду попадёт туда случайный путник.

Вот в одной из таких избушек Андрей и собирался сегодня заночевать – почти царские хоромы. Он надеялся, что царевна таким ночлегом не побрезгует.

А, кроме того, у него были ещё и собственные шалаши, пещерки и землянки на примете, мимо которых можно в двух шагах пройти и не заметить. И, если по их следу пустят погоню, такие тайные «схроны» точно пригодятся.

Андрей отвлёкся от беспокойных мыслей, обернулся – его попутчица остановилась неподалёку, с интересом разгляды-

вая что-то в кустах у тропы.

– Что ты там отстала? Всё в порядке?

Беркутов действительно встревожился, в пути ведь всякое может случиться.

Делия выпрямилась, посмотрела на него. На лице её весенним солнышком сияла восторженная улыбка, глаза блестели, будто драгоценные камни.

– Андрей, там белка! Смотри, вон она, на кедр забралась...

Кто-то другой, наверное, посмеялся бы над этим ребяческим восхищением – подумаешь, белка! Но она так счастлива была сейчас, так искренна, что у него не хватило духу даже поторопить Делию, какую уж там насмешку отпустить.

Она сама догнала, без понуканий, оставила в покое зверушку, подошла торопливо. Но улыбка продолжала освещать её лицо... А казалось, она и туманный, сумрачный лес светлее делала.

– Как же красиво тут! Как хорошо! Я так соскучилась по лесу. Чувствуешь, смолой-то как пахнет? А идёшь, будто по перине ступаешь – мох да хвоя так под ноги и стелются! Запахи какие, деревья... К самому небу, к солнышку тянутся... Сколько жизни вокруг, Андрей! Сколько жизни... Если бы ты знал, как я всё это люблю!

– Я... – он запнулся, хмыкнул, качнув головой, – я знаю.

Взгляды встретились, и в них было столько понимания, что добавлять уже ничего не потребовалось. И это внезапно

смутило Беркута. Он призывно мотнул головой.

А Делия улыбнулась уже совсем иначе – лукаво, насмешливо, хитро.

– Комары-то не кусают?

Андрей замер – понимание пришло внезапно, сей момент.

– Не-е-е-т, – растеряно кивнул он, – не кусают.

– Вот и хорошо! Слава богам! – победоносно сверкнула она жемчужными зубками. – Ну? Идём!

4 «СЫН ТАЙГИ»

Рыжий шар солнца торопливо скатывался за кромку леса. Сквозь плотную завесу тумана закатное светило едва угадывалось и смотрелось немного пугающе, но Делии, видимо, нравилось даже такое. От Андрея не укрылось, как она провожает уходящее на покой солнце, как бросает то и дело восхищённый взгляд на запад.

Горы кутали свои каменные подошвы в туманную вату, но вершины отсвечивали медью и золотом. Вечерний лес стремительно погружался в густой пугающий сумрак и сонную тишину.

– Темнеет... – озвучила Делия вслух то, что и так было очевидно. – Я думала, ходить по ночному лесу опасно...

– Опасно, – кивнул Андрей, покосившись на неё. – Травмами чревато.

Самый тяжёлый, крутой подъём они давно миновали, поднялись на пологую вершину сопки. Теперь тропа стала намного шире и ровнее, даже позволяла идти рядом и разговаривать. Но они продолжали молчать, лишь иногда, как сейчас, перебрасывались отдельными словами.

– Не переживай! По темноте идти не придётся. Мы почти дошли, – добавил Беркутов, желая её успокоить.

– А куда мы дошли? – Делия, видимо, всё-таки созрела на разговор.

– Тут рядом зимовье. Зимовье это...

– Я знаю, не объясняй, – оборвала она.

Андрей одобрительно кивнул – быстро она осваивается.

– Там и переночуем. Печка, кровати, крыша над головой, безопасно. Еда у нас есть. Так что пока можешь не переживать об этом!

– Пока? – иронично усмехнулась царевна. – Хорошо, об этом не буду переживать. А о чём мне переживать стоит?

Андрей снова бросил на неё короткий взгляд и сосредоточился на тропе под ногами.

– Завтра нам нужно будет уходить оттуда. Идти дальше. Тебя будут искать. Я очень надеюсь, что они ещё не знают, кто виноват в твоём исчезновении. Тогда солдат за нами отправят не сразу. Сначала будут искать в Ржанке. Но, в конце концов, военные начнут прочёсывать лес...

– Ржанка это...

– Деревня. Тебя нашли рядом: строили дорогу, откопали случайно и туда привезли в этом... хрустальном ларце... А я тайком забрал, унёс в машину и вывез. Ты дышать начала, проснулась у меня на глазах. Я, как увидел, что ты живая, так и... Не мог я тебя там оставить!

– А ты живешь там, в Ржанке? Твой род оттуда? – невозможно продолжала спрашивать Делия.

– Я живу тут, в лесу, – Андрея эти вопросы о нём самом немного раздражали – про себя он рассказывать не любил. – Тайга и горы – мой дом. Вырос я в Ржанке, да. Но теперь у

меня там только приятели да немного дальней родни.

– А твои родители? – царевна отвязываться не собиралась.

– Какая тебе разница? – Андрей запоздало подумал, что вышло несколько грубо, но... слово не воробей... – Я не хочу говорить о них.

Делия не обиделась, но искренне удивилась.

– Почему? У нас всегда спрашивают, из какого ты рода, кто отец и мать... Так сразу понятно, что за человек.

– Нет их уже. Отца убили много лет назад. Мать... – Андрей замолчал, нахмурился, потом язвительно хмыкнул: – А ты что, в памяти моей это всё не успела рассмотреть?

– Нет, – она пожала плечами, – я же не всё сразу увидела и запомнила. Меня больше язык интересовал, чтобы можно было говорить и понимать. Я не заглядывала в твоё прошлое. Мне обязательно надо ещё несколько раз твою память посмотреть...

– Нет уж! – сразу ошетинился Беркут. – В душу мне лезть я никому не позволю. Я человек честный, никаких преступлений не совершал. Но у каждого, знаешь ли, есть в жизни такое, что он другим показывать не хочет. У тебя вот свои секреты, у меня свои. Мысли мои читать я не позволю...

– Так и не позволяй, – удивлённо взметнулись её восхитительные брови, – не показывай то, что не хочешь, закрой от меня!

– Как это? – Андрей даже приостановился. – Ты же сама говоришь, что в мою память забраться хочешь.

– Но ведь ты сам выбираешь, что отдать другим, что оставить себе, – недоумевающе пожала плечами Делия. – У тебя есть свободная воля и право выбора, как у каждого из людей. Ты сам выбираешь свою жизнь. Просто волей своей мысленно запрети разуму показывать мне то, что желаешь скрыть!

– И я смогу так сделать?

– Конечно! Только ты решаешь и позволяешь.

Андрей задумался – эта простая мысль его поразила.

Делия помолчала немного, потом всё-таки решила продолжить уговоры.

– Понимаешь, это очень важно, Андрей! Мне нужно знать больше про жизнь здесь, нужно понимать, где искать мою цель, а я могу познать только так – через мироключ и твою память. Поможешь?

– Помощи просишь, а доверять не хочешь, – вздохнул Беркутов. – Мне в душу забраться собираешься, а у самой тайны и секреты от меня.

Она улыбнулась грустно.

– Андрей, я обязательно тебе расскажу всё... Если пойму, что ты мне можешь помочь. Я уже говорила, я не могу рисковать. Не могу рисковать этой тайной. Слишком важно. И тобой тоже не хочу рисковать. Ты прав, меня будут искать. Но не только твои военные. Есть враги опаснее. Чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Если я пойму, что ты можешь помочь, я всё тебе расскажу. Расскажу, когда ты будешь готов. Если я пойму, что ты мне помочь не в силах, я просто

уйду. И тогда тебе лучше ничего не знать вовсе.

А вот эти её слова неожиданно задели... Укололи болезненно, отравили ядовитым недоверием, сомнением в том, что он способен защитить. Неужели он в её глазах настолько бесполезен, что она ещё размышляет, а стоит ли вообще связываться с этим Беркутовым?

Как обидно и горько такое услышать!

Но ещё сильнее царапнуло осознание того, что она может уйти. Вот так вот – решит, что может без него обойтись, и уйдет... И больше он её не увидит, не услышит, не узнает, что с ней стало. А ведь они ещё и познакомиться толком не успели...

Мучительное, тоскливое, тёмное чувство – предчувствие потери – поднялось из глубины, пугая Андрея своей силой. И в этот миг, уже сворачивая к притаившемуся в сосняке зимовью, Беркутов отчётливо понял, что расстаться с Делией он совершенно не готов.

К ночи распогодилось. Ветерок поднялся, угнал лохматые клочки тумана.

Андрей не спал, смотрел в потолок, на котором танцевали дрожащие тени, слушал таинственный шёпот деревьев за стенами зимовья. После всего произошедшего и разговора, что случился уже здесь, в этом маленьком домишке, совсем не до сна – душа в смятении. Беркутов понимал, что отдохнуть надо, завтра будет тяжёлый день, придётся пройти на-

много больше... Но сон не шёл.

И соседство Делии под боком засыпанию тоже не способствовало.

Ну, как «под боком»... В зимовье на треть комнаты, от стены до стены, были сделаны нары – прочный деревянный помост в метре от пола. На нём и устроились спать. Он – у одной стены, она – у другой. Андрей отдал своей новой знакомой спальник, и Делия закуталась в него с головой.

Сейчас, покосившись в её сторону, Беркут видел лишь непонятный чёрный кокон, едва различимый в темноте. Но он-то знал, что скрыто под плотной тканью спальника – невероятно красивая, женственная, манящая... И казалось, он снова чувствует мягкое прикосновение её тёплых пальцев. Момент, когда она дотронулась, чтобы вылечить его рану, засел в памяти, как заноза.

А вот о том, как она его схватила в машине, уже как-то и не вспоминалось.

Зато теперь Андрей ловил себя на глупом желании придвинуться к ней ближе...

Нет, ничего такого! Приставать к ней он, разумеется, не собирался. Сейчас она целиком и полностью зависит от него, пусть и не торопится это признать. Кто он после этого будет, если воспользуется трудной ситуацией, в которой оказалась его царевна?

«Его царевна...» – он уже не первый раз мысленно называл её так, и звучало это невероятно приятно.

Дело, конечно, не только в его отношении к Делии. Он вообще никогда бы не посмел так поступить с женщиной, вынуждать, загонять в угол.

Но желание оказаться сейчас как можно ближе будоражило и не давало покоя.

Андрей вздохнул, злясь на самого себя, поднялся и вышел на крыльцо.

Небо чистое. Алмазные искорки звёзд рассыпались пригоршнями по тёмному полотну. В горах небо особое, а звёзды такие близкие и огромные – кажется, протяни руку и нарви, как спелые кисти смородины. Каждую эту серебряную кроху Андрей знал и любил всей душой.

А эти запахи ночи... От них пьянеешь мгновенно, и никакой Ванькин самогон не сравнится.

Андрей никогда не мечтал, как многие его сверстники, уехать куда-то в крупные города, например, в столицу, стать «большим человеком». Понимал, что задохнётся там без своего леса, понимал, что никакой статус не заменит ему вот этих красот. А ещё ему всегда казалось, что быть «большим человеком» можно, и не занимая какую-то значительную должность, а можно им не быть, даже имея чины и богатства.

– Что ты не спишь? – шаги у неё лёгкие, почти неслышные, но он всё равно уловил их раньше, чем прозвенел в ночи нежный голос.

Делия опустилась рядом на ступени. В темноте глаза свер-

кали, как те самые звёзды в небесах.

Андрей молча стянул куртку, набросил ей на плечи, укутал.

– Так... думал... обо всём... Наш разговор не идёт из головы.

Несколько минут они сидели в тишине, слушая шепотки ночи.

– Что с тобой будет? – спросила Делия, помолчав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.